

АРИНА
ТЕПЛОВА

ЖАР-ПТИЦА

18+

Арина Теплова

Жар-птица

«Автор»

2023

Теплова А.

Жар-птица / А. Теплова — «Автор», 2023

1824 год. Как долго может длиться поклонение мужчин? Бесконечно. Сколько раз можно смеяться над любовью поклонников и холодно отказывать им во внимании? Постоянно. Кто достоин получить руку и сердце первой красавицы Петербурга? Ни один из них. Так думала Оленька Трубецкая, пока не повстречала Его. Того, кто смог избежать опасной зависимости от ее красоты. Того, кто объявил ей любовную войну, убеждая в том, что именно Оленька будет у его ног. Чем окончится это противостояние в любовной игре? Любовью и разбитым навсегда сердцем.

© Теплова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава I. Ветреное утро	6
Глава II. Наводнение	11
Глава III. Друзья по несчастью	17
Глава IV. Кулон	23
Глава V. Беседка	27
Глава VI. Шутка	31
Глава VII. Сестры	34
Глава VIII. Несчастливая	39
Глава IX. Измайловы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Арина Теплова

Жар-птица

Истинная трепетная любовь рождается не от встречи двух сияющих влюбленных глаз, а от мелодичного перезвона двух сердец, звучащих в унисон.

Я не унижусь пред тобою;

Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.

Знай: мы чужие с этих пор.

Ты позабыла: я свободы

Для заблужденья не отдам;

И так пожертвовал я годы

Твоей улыбке и глазам,

И так я слишком долго видел

В тебе надежду юных дней

И целый мир возненавидел,

Чтобы тебя любить сильнее.

Я был готов на смерть и муку

И целый мир на битву звать,

Чтобы твою младую руку —

Безумец! — лишний раз пожать!

Не зная коварную измену,

Тебе я душу отдавал;

Такой души ты знала ль цену?

Ты знала — я тебя не знал!

М.Ю. Лермонтов

Глава I. Ветреное утро

Санкт-Петербург, Васильевский остров
1824 год, Ноябрь, 7, утро

Кутаясь в теплый подбитый мехом редингот, Ирина вышла на улицу, миновав церковную ограду. Пронизывающий ветер тут же подхватил юбку ее дорогого темного платья, и девушка сильнее запахла ворот.

Уже рассвело, но ледяные лучи осеннего солнца почти не грели, освещая ближайшие здания проспекта. Отстояв всю раннюю литургию, Ирина немного устала, потому намеревалась как можно скорее вернуться домой. Моросил неприятный ледяной дождик, а сильные порывы ветра пытались сорвать с нее шляпку. Через противную морось девушка пыталась рассмотреть ближайшие экипажи, желая отыскать свой, и осторожно перешагивала многочисленные лужи, быстро образующиеся на мостовой.

Раздался очередной залп пушек с бастионов Петропавловской крепости, и Ирина вздрогнула, предполагая, что опять в гавани Невы разбушевался шторм, раз пушечные залпы извещали об опасности. Озираясь по сторонам, Ирина наконец увидела карету с фамильным гербом Трубецких, которая подъехала к ней. Кучер спрыгнул с облучка и раскрыл перед девушкой дверцу:

– Садитесь скорее, барышня, – поклонился Игнатий. – Ветер-то какой дрянной, все сры-
вает.

Ощущая, что за несколько минут ходьбы по мостовой она продрогла от пронизывающего ветра и намочила свои легкие ботиночки, Ирина быстро запрыгнула на подножку кареты и велела кучеру:

– Гони побыстрее, голубчик!

Закрыв дверцу, кучер проворно забрался на козлы и начал стегать лошадь.

Плюхнувшись на бархатное сиденье, девушка сунула ручки в небольшую вязаную муфточку и, откинувшись на спинку, чуть прикрыла глаза. Здесь, в карете, было гораздо теплее, чем на промозглой ледяной улице. Северная столица Российской империи славилась своим влажным суровым климатом, и бешеные ветра и влажность были обычными в это время года.

Карета покатила по мостовой, неприятно заскрипев колесами.

Ветер начал завывать в щели окна, а Ирина решила немного подремать до дома, чувствуя усталость. Встала она сегодня очень рано, чтобы успеть на службу в Андреевский собор. Этот храм на Васильевском острове когда-то давно посещала ее покойная матушка, и ее духовник, отец Иоанн, теперь был духовником Ирины. Именно поэтому каждую неделю Ирина исправно посещала этот храм. Когда она стояла на службе там, ей казалось, что дух матушки находится рядом, и она чувствует его. Ирина совсем не помнила покойную Анну Ивановну, ведь та умерла при родах, давая ей жизнь, потому девушке было отрадно говорить о ней с духовником, он часто вспоминал о доброте и милосердии покойной госпожи Трубецкой.

Путь до особняка Трубецких на Фонтанке предстоял получасовой, и Ирина даже немного задремала.

Она проснулась от резкого толчка, когда карета вдруг остановилась. Открыв глаза, девушка быстро выглянула в окно и нахмурилась. Они не проехали и половины пути, хотя, по ее подсчетам, должны были уже находиться около дома.

– Что случилось, Игнатий? – окликнула она кучера, открывая дверцу, и тут же вскрикнула.

Воды на мостовой было выше колена, и она бурлила под колесами кареты, вот-вот грозя залиться внутрь экипажа. Окинув взглядом вокруг, Ирина отметила, что вода заполонила всю улицу, разливаясь грязными волнами до самых домов.

– Бревно, барышня, прямо под копыта угодило! Лошадь запнулась! – прокричал с козел Игнатий, отворачивая лошадь чуть в сторону и пытаясь объехать плавающее большое бревно. – Похоже, ураган идет с Невы.

– Так гони быстрее к дому, Игнатий! Что мы еле тащимся? – воскликнула она.

– Дак, вода все прибывает, барышня. Лошадка едва тянет, тяжело ей по воде-то. И ветер этот жуткий!

В подтверждение его слов тут же сильный ледяной порыв начал срывать шляпку с головы Ирины, ленты которой она развязала чуть ранее. Девушка попыталась удержать ее, но повторный более яростный порыв все же сорвал шляпку и утащил прочь, уронив прямо в воду позади кареты. Испуганно оглядываясь, Ирина видела, что мостовая превратилось в некое подобие мелкой реки с перекатывающимися волнами. Ее шляпку отнесло довольно далеко, и девушка поняла, что ее уже не спасти. Дождь вмиг намочил ее светлые волосы, и локоны повисли мокрыми прядями.

Примирившись с потерей, Ирина нервно откинула локон с лица. Порывы ветра не прекращались ни на минуту, а вода едва не заливалась внутрь кареты. Ирина поняла, что началось наводнение, это было обычным явлением по осени в Петербурге. Похоже, не зря каждые полчаса с бастионов Петропавловской крепости раздавался пушечный залп, предупреждающий горожан о непогоде.

– Вы бы дверцу закрыли, барышня, пока вода не налилась! – крикнул ей кучер, вновь правя вперед по мостовой, а лошадь с трудом тянула карету.

– Да-да, Игнатий! Езжай побыстрее, прошу! – выкрикнула она ему и быстро захлопнула створку.

– Слушаюсь, барышня!

Теперь Ирина совсем не могла дремать. Наоборот. Она прикинула к закрытой дверце кареты, с испугом смотря вокруг.

Вода все прибывала и прибывала, уже просачиваясь внутрь кареты и приподнимая ее на своих волнах словно лодку. Лошадь дико ржала, а Игнатий матерно ругался, пытаясь еще управлять экипажем. Опять лошадь наткнулась на препятствие, на постовую будку, смытую водой. Ирина не видела, что происходит, боясь распахнуть дверцу, ибо вода снаружи достигла середины кареты.

Ураганные бешеные порывы ветра срывали крыши с домов, и они летали словно щепки по поверхности разливающейся бурлящей воды. Неожиданно карета накренилась, и в следующий миг девушка увидела, как Игнатий упал в ледяную воду, видимо, снесенный шквалом или волной. Карета снова встала прямо. В следующий миг Ирина увидела через окно, как бушующий неумолимый поток пронес мимо несчастного кучера. Мужик пытался всплыть на поверхность, хлебая ртом воду.

– Господи, Игнатий! – выпалила она в неистовстве, вскакивая на ноги, и тут же ее ботиночки оказались в воде, которая уже покрыла пол кареты.

Ужас охватил девушку, и уже через минуту она потеряла несчастного слугу из виду.

Не зная, что теперь делать, Ирина, впились руками в окно, понимая, что оказалась в жуткой ситуации. Карета была неуправляема, и ее словно лодку гнали бешеные невиские воды, клочущие вокруг.

Непогода застала Измайлова по дороге домой после суточной вахты в Петропавловской крепости. Около восьми утра он сдал свой пост начальника караульной службы другому офицеру и направился пешком через Троицкий мост.

Он шел быстрым шагом, стараясь побыстрее добраться до казенных казарм своего полка и отдохнуть. Ничтожное жалование не позволяло ему нанять экипаж. Хотя Александр и происходил из потомственных дворян, их семейство было бедно и безвылазно жило в фамильной усадьбе в Новгородской губернии. Только поступив на военную службу, он мог рассчитывать на дальнейшую карьеру и денежное благополучие.

Подняв повыше высокий воротник и кутаясь в плащ, Измайлов с силой придерживал свой кивер, который хотел сорвать неумолимый ветер. Он знал, что надвигается ураган, ведь второй день с Финского залива дул юго-западный ветер и уже начался ожидаемый подъем Невы, потому шел, не разбирая дороги прямо по глубоким лужам.

Спустя полчаса выйдя на Адмиралтейскую набережную, он заметил, что воды Невы вышли из берегов и уже всю бежали по тротуарам. Вода прибывала так быстро, что он не успел даже пересечь улицу, когда идти стало совсем невозможно, ибо вода уже достигла коленей. Он начал искать глазами ближайшее возвышение, понимая, что достигнуть казарм не удастся.

Спустя четверть часа, пробираясь через приливающую все сильнее воду, он приблизился к каменному двухэтажному дому, который казался пустующим. Скорее всего, хозяева не жили в нем или же были в отъезде, ибо отблесков свечей в окнах не наблюдалось. Александр быстро подтянулся и влез на подоконник первого высокого этажа, выбив стекло, проник внутрь дома. Он надеялся заплатить за разбитое окно хозяевам или слугам, если таковые обитали здесь, но сейчас не было времени заходить через парадное крыльцо, вода уже полностью скрывала его.

Быстро пройдя внутрь дома и шагая по колена в воде по первому этажу, он убедился, что особняк необитаем, мебели мало, причем она вся была покрыта черными чехлами. Высокие сапоги не давали промокнуть его ногам в ледяной воде, заполонившей уже весь этаж. Поднявшись на второй этаж, он вознамерился переждать непогоду там. Здесь было сухо, но прохладно, ибо дом не отапливался.

Подойдя к окну, Александр наблюдал сверху за водной стихией, удрученно понимая, что до вечера ему точно не удастся вернуться в казарму и поспать. Спустя полчаса он услышал, как на первом этаже лопаются стекла под напором воды, которая, видимо, уже достигла окон и теперь заливалась внутрь. Отметив, что почти полдень, Измайлов распахнул окно. Он видел, как мимо по реке, которая ранее была улицей, проносятся экипажи с возницами, всадники с плывущими лошадьми, просто пытающиеся плыть люди. Уровень воды уже был выше человеческого роста. Он стоял у окна, надеясь помочь хоть кому-то еще, но все несчастные находились слишком далеко от него.

И тут он заметил ее. Светловолосое существо, запертое в плывущей карете, словно в капкане. Дама отчаянно барабанила руками в закрытое окно, которое, видимо, заклинило и не открывалось. Мысль о том, что девушке немедля надо помочь, нарыла Александра. Карета была слишком легкой для водной бурлящей стихии, и ее мотало из стороны в сторону. Утонувшая лошадь плавала впереди кареты, удерживаемая оглоблей. А неумолимая вода несла карету в сторону финского залива.

Карету вдруг понесло в его сторону, и уже через минуту она зацепилась боком за фонарный столб, торчащий из воды. Поток еще сильнее развернул карету, и она оказалась всего в пяти метрах от него. Молодой человек немедля высунулся в окно и замахал даме руками.

– Эй в карете! – закричал Измайлов, перебегая к другому окну, чтобы быть ближе. – Бейте окно! Я помогу вам!

Он кричал ей, быстро садясь на подоконник и ступив одной ногой на парапет, идущий вокруг второго этажа за окном. Вода была всего в метре от его сапога. Александр махал рукой и кричал даме, чтобы она выбивала заклинившее окно. Остервенелый ветер рвал его одежду и трепал волосы. Кивер давно сорвало с головы, и он валялся где-то позади в мрачной комнате. А

Измайлов не спускал взбудораженного взора с женщины в карете, которую мотало по волнам, то приближая, то чуть отгоняя от дома.

Это был настоящий кошмар. Ирина в ужасе пыталась открыть окно, но то не поддавалось. Мужчина в форме гвардейца что-то кричал ей, размахивая руками, и явно требовал, чтобы она открыла его, и протягивал руку, высунувшись наружу и опасно стоя на парапете. Карету качало из стороны в сторону словно лодку. Вся в слезах, Ирина стянула с ноги ботинок и начала каблуком яростно долбить стекло. С третьего раза ей удалось разбить его, и она быстро продолжила выбивать остатки по бокам.

Ирина высунулась в окно, протягивая руки к мужчине, но тот был слишком далеко от нее. Краем глаза она видела плавающую бездыханную лошадь, а вода вокруг бурлила, словно море.

Понимая, что иначе не спасти несчастную, Измайлов спустился двумя ногами на парапет снаружи дома. Удерживаясь одной рукой за подоконник, он стремительно наклонился и ухватил сильной рукой край плавающей оглобли. Он мощно дернул несколько раз, подтягивая к себе оглоблю, мертвую лошадь и карету. Благо в воде это было легче делать.

Через минуту девушка оказалась в двух метрах от него.

– Хватайтесь за руку! – крикнул он ей, протягивая мокрую ладонь. – Ну же!

Ирина тут же высунулась сильнее в окно, вставая на цыпочки на сиденье и не обращая внимания на острые осколки стекла, застрявшие по углам оконного проема. Уже через миг Измайлов яростно схватил ее сильной рукой за ладонь и потянул к себе, что было силы. Он вытянул девушку наполовину из кареты, и она повисла над водой, но вдруг застряла в проеме окна.

– Платье зацепилось! Твою ма... – прохрипел Александр в неистовстве, выругавшись и понимая, что каждая секунда на счету, ибо поток воды может в любой момент оттолкнуть экипаж с девушкой от него – и он тогда просто не удержит ее и она упадет в воду.

– Божечки... – простонала Ирина в ужасе, вскидывая на него испуганные карие глаза, полные страха и слез, и судорожно цепляясь второй рукой за его одежду.

Она висела в проеме окна над бурлящей водой. Измайлов, сцепив зубы, вновь сильнее дернул ее за руку, и ему удалось приблизить девушку на минимальное расстояние к себе. Чтобы дернуть сильнее, ему нужно было обхватить ее по-другому.

Вмиг его осенило решение. Едва удерживаясь одной рукой за подоконник, он еще ближе притиснулся к девушке.

– Хватайтесь за мою шею! И держитесь крепче! Ну же! – приказал он.

Она тут же послушно обхватила его за шею, словно дикий испуганный котенок, впившись пальцами и коготками в его мундир и эполеты. В этот миг карету дико закачало, и Александр стремительно ухватил девушку за талию и мощно дернул. Ткань оборвалась, и девушка наконец притиснулась к его груди. Быстро выпрямившись, он перекинул ногу через подоконник и утащил незнакомку внутрь дома, видя, как карета сильно накренилась.

Когда Ирина ощутила под ногами твердый пол, она облегченно выдохнула и выпалила в лицо молодому человеку:

– Благодарю вас, сударь! Если бы не вы...

– Пустое, – улыбнулся он, убирая руки с ее стана и чуть отступая.

Продрогшая, Ирина обхватила себя руками, все еще не веря, что спасена от страшной стихии. Она обратила взор в распахнутое окно, видя, как карету подхватило течение и понесло далее по улице вместе с мертвой лошадей. Она нахмурилась, безумными глазами смотря на полосатую будку часовых, которая пронеслась мимо, а за ней скулящую черную собаку в воде, которая пыталась всплыть на поверхность, отчаянно карабкаясь на плывущее рядом бревно. Нева же бурлила, неся свои воды и сметая все преграды на своем пути.

Ветер задувал внутрь и нещадно трепал волосы молодых людей, заливая лицо ледяной моросью.

– Вы бы отошли от окна, – предложил Измайлов, оглядывая с интересом девушку и видя, как ее глаза блестят от слез. – Не надо на это смотреть.

– Как вовремя вы увидели меня, – лепетала она, как будто в забытьи, не слыша его слов и не отрывая безумного взора от улицы. – Я думала, что всё...

– Не надо так говорить. Где ваш кучер?

– Его смыло водой, – ответила она, переводя влажный взор на молодого человека, и по ее щеке покатилась слеза. – Бедный Игнатий... и лошадь... она тоже...

– Не плачьте только, – нахмурился Измайлов, рассматривая девушку более тщательно и отмечая ее приятное лицо с бархатными карими глазами. – Теперь же все хорошо.

– Как же хорошо? – возмутилась она. – Когда весь этот ужас на улице? Игнатий наверняка утонул.

– Ваш кучер мог зацепиться за что-нибудь, возможно, он сумеет выжить, не надо его заранее оплакивать. Но лошадь – да.

– Я и говорю – так страшно всё это...

Раздался громкий вопль откуда-то издалека. Ирина невольно обернулась к окну, и они оба увидели, как на противоположной стороне улицы за погнутый фонарный столб держится молодой парень, по пояс в воде. Он что-то дико кричал от страха. В следующую минуту небольшая барка, видимо, сорванная с якоря, несущаяся по волнам, налетела на этот столб и на миг скрыла его своей широкой бочиной. Спустя минуту волна понесла барку дальше, а на столбе более никого не было.

– Боженька, как же это?! – выпалила в неистовстве Ирина, схватившись дрожащими руками за мокрый подоконник и пытаясь рассмотреть в бурлящей воде несчастного парня.

Из ее глаз градом брызнули слезы.

– Прекратите туда смотреть! – вспыхнул Измайлов, видя, что девица до невозможности чувствительна и эмоциональна. – Сами же себя нервируете!

Он властно оттащил ее от окна, развернув к себе.

– Вы кричите на меня? – опешила она, смотря ему в лицо и смахивая со щеки соленую влагу.

Она сказала это так несчастно и пораженно, что Александр даже стушевался под ее горящим взором и немедленно убрал руки от ее стана.

– Простите, сударыня, я погорячился, – извинился он и уже более спокойным тоном наставительно заметил: – Но все же не стоит смотреть туда. Вы здесь, уже в безопасности.

Пару раз моргнув, девушка медленно кивнула, соглашаясь с ним.

– Могу я узнать ваше имя? – спросил он.

– Ирина, – ответила она и быстро опустила глаза вниз, видимо, смутившись.

– Измайлов Александр Григорьевич, поручик Семеновского полка.

– Очень приятно, – улыбнулась вымученно она, отряхивая платье. И, бросив быстрый взор на лицо молодого человека, ответила: – Ирина Николаевна Трубецкая.

– Вы дочь сенатора Николая Николаевича?

– Да, старшая.

– Ммм, понятно, – ответил Алекс тихо, понимая, что дочь сенатора явно не его полета птица.

Глава II. Наводнение

Ирина невольно вскинула глаза на молодого человека. Он как-то странно смотрел на нее – не отрываясь и как бы изучая. Вновь смутившись от его настойчивого взгляда, она отошла от Измайлова. Она уже немного успокоилась и пришла в себя от пережитого.

– Чей это дом? – спросила она, оглядываясь и видя немногочисленную мебель в комнате, затянутую тканевыми чехлами.

– Не знаю. Забрался сюда чуть ранее, решил переждать непогоду. Похоже, хозяева в доме не живут.

Неожиданно раздался громкий скрежет, и дом сотрясло от сильного удара. Рядом с ними звучно разбилось вдребезги соседнее окно, а стену протаранил деревянный мощный нос небольшого судна, вклинившийся между окон. Ирина вскрикнула, видя, как комнату заполнил обломанный корабль.

– Идите сюда! – воскликнул Измайлов, быстро оттаскивая девушку в другой угол, чтобы ее не задело неуправляемое судно.

Барка снова жутко закричала, ибо вода потянула ее назад. Уже через минуту ее нос вышел из стены. Волны, бешено качая судно из стороны в сторону, как игрушку, потащили его дальше по проспекту, наполненному бурными водами.

– Боже... мне страшно... – выдохнула Ирина, отвернувшись от огромной дыры в стене и разбитых окон.

Она непроизвольно уткнулась лицом в широкое мокрое плечо Измайлова, притиснув руки к своей груди.

– Тише, все будет хорошо, – шептал он над ней, прижимая девушку сильнее к себе и отмечая, что за окном все такой же хаос, как и раньше.

Время перевалило уже за полдень, а наводнение, похоже, все набирало силу. Вода была уже на уровне второго этажа, где они находились. В круглую брешь в стене дома начала заливаться грязная вода. Ветер продувал все помещение насквозь, врываясь в разбитые окна.

– Давайте поднимемся выше на чердак, – предложил Александр. – Видите, вода все прибывает.

– Пойдемте, – согласилась она, отстраняясь от него.

Выйдя из гостиной, молодые люди прошли по коридору, осматриваясь. Во всех пяти комнатах гулял ветер, ибо многие окна были разбиты. Когда они приблизились к старой деревянной лестнице, ведущей наверх, увидели, что она сгнила, а ступени давно провалились. Лишь резные перила еще держали контур.

– Чердак, определенно, там, – сделал вывод Измайлов, задирая голову и смотря на проем в потолке, который был закрыт.

– Нам не пробраться туда. Лестницы нет, – сказала Ирина удрученно и тут же увидела под ногами воду, которая выливалась из ближайшей комнаты. – Вода уже здесь...

– Оставаться здесь нельзя, все же надо попытаться забраться выше. Вдруг вода сильнее поднимется. В этой ледяной сырости долго не протянем, – размышлял он вслух, оглядываясь. – Подождите, я, кажется, кое-что придумал.

Быстро доломав прогнившие ступени, Александр приволок из соседней гостиной секретер. Подтащив его к нужному месту, он умело взобрался на него и уперся головой в потолок. Он начал с силой толкать закрытый деревянный люк. Вскоре ему удалось открыть чердак, так как доски были ветхими. Он ловко подтянулся на руках и влез в чердачный лаз.

Уже через миг он склонился к Ирине и, устремив на нее взгляд, велел:

– Забирайтесь на секретер. Лучше стул еще пододвиньте, чтобы удобнее было.

– Но я не смогу забраться как вы, – неуверенно ответила Ирина.

– Доверьтесь мне, я подниму вас. Ну же, не медлите.

Понятливо кивнув, девушка устремилась в гостиную, ступая прямо по воде, которая уже покрывала пол этого этажа. Она принесла стул, бойко встала на него, затем залезла на секретер.

– Что теперь? – спросила она, устремляя лицо вверх.

Немедля встав на четвереньки, Измайлов склонился в проем и приказал:

– Давайте руки!

Она послушно протянула ему обе руки. Ловко обхватив ее кисти, он потянул девушку вверх. Уже через миг, перехватив второй рукой ее за талию, он втащил Ирину на чердак.

– Вот и все! – выдохнул он, ставя Ирину на сухой пол, и как-то по-мальчишески улыбнулся ей.

– Благодарю, – вымученно улыбнулась она в ответ, нервно откидывая влажные волосы с лица.

Ирина прошла дальше в пыльное помещение и заметила небольшую лавку, стоявшую неподалеку от круглого грязного окна. Устало опустившись на нее, она вытянула промокшие ноги и огляделась. Чердак был почти пустым, лишь пара облезлых столов и сломанная кровать составляли интерьер. Грязь и большой слой пыли свидетельствовали о том, что сюда уже давно никто не заходил.

В это время Измайлов подошел к большому круглому окну и посмотрел, что творилось на улице. Уже через миг, поморщившись от неприятного вида, он вздохнул и, приблизившись к девушке, присел рядом с ней на лавку.

– Здесь хоть и пыльно, но зато сухо, – констатировал он, желая завести с ней разговор, но девушка в ответ только смущенно кивнула, бросив на него мимолетный взор.

Он же, наоборот, рассматривал ее с каким-то невероятным воодушевлением, упорно и даже немного вызываясь. У нее были густые локоны цвета светлого янтаря и невероятные темные бархатные очи. И это странное сочетание янтаря и взора с поволокой притягивало внимание Александра.

Ирина видела его интерес к своей персоне и не знала, как себя вести, ведь ни разу она не оставалась наедине с малознакомым молодым мужчиной.

Прическа ее совсем развалилась и волосы рассыпались по плечам, неопрятно свисая длинными прядями.

– Простите, я ужасно выгляжу, – нервно сказала она вдруг, осматривая свое мокрое платье и обвисшие пряди волос.

– С чего бы это? Вовсе это не так, – замотал он головой, отмечая, что юная мадемуазель Трубецкая весьма хороша собой, и даже мокрый потрепанный вид не портил ее прелестного облика, а наоборот, придавал девушке какую-то детскую непосредственность.

– Мой ридикюль с зеркалом остался в карете, а волосы в таком беспорядке, – сокрушалась она.

Окинув ее вновь взглядом, Измайлов отметил, что ее волосы буйной гривой спускаются на спину и чуть удерживаются с боков шпильками, и эта картина не казалась ему такой уж неприглядной, как она говорила, наоборот, он поймал себя на мысли о том, что ему невероятно хочется прикоснуться к ее янтарным мягким локонам и запустить в них ладонь. Естественно, это было неосуществимое желание, о котором стоило умолчать, чтобы девушка не сочла его наглым или невоспитанным.

– А мне нравится, как ваши волосы переливаются. Словно темный янтарь, – тихо вымолвил он.

Быстро подняв на него глаза, Ирина отметила четко очерченные скулы его мужественного лица, высокий лоб, чуть заросший щетиной рельефный подбородок и темные короткие спутанные волосы. Измайлов был молод, но уже не юн. Его бледно-голубой взор как-то странно горел, и она вмиг смутилась, отвернувшись от молодого человека.

Александр понимал, что ведет себя вызывающе, позволяя себе неприлично глазеть на нее, но не мог сдерживать свои порывы. Почему-то наедине, здесь, на чердаке заброшенного дома, он не опасался говорить и смотреть на девушку, как ему хотелось, он ощущал, что она в его власти и не может сбежать, даже если он сделает что-то не так.

В следующий миг Ирина медленно встала, чувствуя нервозность от его близости, и, обхватив себя руками, сказала:

– Скоро вечер. Когда вода пойдет на спад, как вы думаете, месье Измайлов?

– Не знаю, может, через час, а может, и завтра. Как Бог даст.

– Это просто невозможно находиться мне тут, – лепетала она, отворачиваясь от него и подходя к округлому большому окну на козырьке крыши. – Меня дома наверняка потеряли.

– Не переживайте, думаю, к вечеру вода схлынет, и мы сможем выбраться отсюда. Пару лет назад было подобное наводнение. Правда, не такое сильное.

– Не могу же я в самом деле оставаться здесь с вами, на этом чердаке, так долго. Это так неприлично и ... – она замялась, но он все понял. – А вдруг вода не уйдет до вечера, что же, ночевать тут? – нервно закончила она.

– Вы боитесь? – спросил он, вставая и подходя к девушке сзади. Его сапоги коснулись низа ее платья. Почувствовав приближение молодого человека, Ирина резко повернулась и невольно попятилась от него к окну. Отчего-то это не понравилось Александру, он нахмурился и напряженно спросил: – Боитесь меня?

Тут же он отметил в ее ярких карих очах испуганное выражение, что подтверждало его слова.

– И вовсе нет, – выпалила Ирина с горячностью.

Но Измайлов чувствовал, что она лжет, ибо ее поведение красноречиво говорило о том, что она боится оставаться на ночь здесь рядом с ним. Она была еще так юна и неопытна, что совершенно не умела скрывать свои эмоции.

Ему стало обидно от ее поведения. Ведь он ничего не делал постыдного по отношению к ней. Он спас ее несколькими часами ранее и теперь с почтением относился к ней. Да, он осознавал, что уж больно призывно и алчно смотрит на нее, даже на миг не оставляя ее взглядом в покое, но все оттого, что ранее он никогда не встречал существа более притягательного, чем она. Он не хотел лицемерить и скрывать свой интерес к ней, жаждал смотреть на нее, даже несмотря на то, что это ей явно не нравилось.

– Вы замерзли? – решил он перевести разговор на другую тему, видя, что ее губы трясутся.

– Да, – кивнула она.

– Я попробую развести огонь.

– Но как? – удивилась она.

– Здесь идет дымоход, – заявил он, подходя к кирпичной, чуть разрушенной трубе, выступающей из стены. – Можно кое-что сделать.

Быстро вытащив острый военный нож, он начал проворными движениями вытаскивать кирпичи из облезлой трубы, складывая на пол. Дымоход был старым, потому кирпичи выходили довольно легко.

– Несите их к окну, – велел он, подошедшей к нему девушке. – Сделаем подобие очага. У меня есть огниво, попробую разжечь небольшой костер.

– Но это опасно, дом загорится, – обеспокоилась Ирина, взяв в руки два кирпича.

– Не загорится, – хмыкнул он, сам подбирая восемь штук и потащив их к окну. – Я умело выложу кирпичи, и окно приоткроем.

Собрав старые холщовые мешки, Александр намочил их под моросящим дождем, и разложил на полу, друг на друга, сделав преграду, чтобы горящие угли не зажгли деревянный пол.

Далее на мокрые мешки он выложил первый ряд из двадцати кирпичей сплошным квадратом и два ряда по контуру, словно делая края для костровища.

– Ну вот, как славно вышло. Теперь дело за малым. Сейчас! – заявил он и направился к спуску вниз.

– Вы куда, месье Измайлов? – взволновалась Ирина, видя, как он ловко спустился в лаз на второй этаж.

Внизу раздалась некая возня, стук и срежет. Через пять минут Александр закинул на чердак довольно внушительное количество деревянных брусков. И после умело забрался сам.

– Старая лестница хоть на что-то стодила. Выломал самые лучшие куски ступеней от нее, сухие пока. Для растопки в самый раз.

Огонь в умелых руках Измайлова запылал спустя четверть часа, наполняя промозглое пространство приятным теплом. Дым тянуло в приоткрытое окно.

Пододвинув скамью ближе к костру, Ирина села на нее, протягивая руки к огню. Алекс остался сидеть на корточках рядом с самодельной печью чуть сбоку, поправляя дрова длинной палкой, выломанной из той же лестницы.

Спустя некоторое время он посмотрел на девушку и, улыбнувшись, спросил:

– Вы как? Согрелись?

– Нет, – ответила она искренне.

Молодой человек бесцеремонно протянул руку к ее рединготу и прошелся по нему ладонью.

– Позвольте, да вся мокрая! – констатировал он тут же. Его рука устремилась дальше по юбке ее платья. Ткань была насквозь мокрая. Неудивительно, что девушка не могла согреться. – Вам надо снять мокрую одежду, иначе простынете.

– Неприлично говорить подобное, сударь.

– Нет, вы не понимаете, надо непременно снять мокрое и обсушить все у огня, – заявил он твердо. – Холодает. Вы окоченеете от холода в мокром платье.

– Но оно только до талии мокрое. Я теперь встану к огню и высохну так, – тихо сказала девушка, поднимаясь со скамьи.

– Это глупо, Ирина Николаевна, – внушал он. – Послушайте, давайте я дам вам свой мундир. Он сухой.

– Мне не нужен ваш мундир, сударь. И я не собираюсь раздеваться, – возмутилась она.

– Отчего же? Вы снимете платье и нижние юбки, останетесь в рубашке. Наденете мундир, а моим плащом укроете ноги. Посидите пару часов у огня, обсушите волосы. Платье ваше я с другой стороны дымохода приспособлю. Думаю, к вечеру оно высохнет.

– Нет-нет, – залепетала она смущенно.

Ирина чувствовала себя в каком-то нескончаемом кошмаре. Сначала эта вода, потом карабканье на чердак, сейчас он говорил, что она должна раздеваться. И все это подкреплялось совсем неприличными поглощающими взорами этого молодого гвардейца, от которых ее щеки прямо горели. Но самое печальное то, что она была сильно голодна. Ведь с утра, отправляясь в храм, она выпила только воды. Сейчас же день клонился к вечеру, а ее желудок непрерывно урчал от голода.

– Не буду я смотреть на вас, если вы этого боитесь, – заявил Александр, отчетливо видя в ее глазах сомнение. Она явно жаждала обсушить одежду, но ее воспитание, похоже, не позволяло раздеваться при незнакомом мужчине. Он быстро встал и отвернулся от нее, расстегивая свой мундир. – Я отвернусь. Повернусь, только когда вы позволите мне.

Стянув мундир с широких плеч, Александр, не оборачиваясь, протянул его девушке, заведя руку за спину. Она не взяла, и он настойчиво велел:

– Берите, говорил вам, Ирина Николаевна, не упрямитесь.

– Нет.

– Прекрасно, мадемуазель Упертость, – выпалил он едко, оборачиваясь и сверкая на нее глазами. – Но когда на вашей могиле напишут «Умерла от переохлаждения, оттого что имела непомерную гордость», я первый буду оплакивать вашу кончину.

– Зачем вы говорите так? – пролепетала она несчастно, дрожа всем телом.

– Оттого что вы уже бледны как полотно, и ваши губы синие от холода. Вы же еще рассуждаете, раздеваться вам или нет. Раздевайтесь, я вам сказал. Это приказ! Вы слышите меня? – выпалил он, уже заводясь от ее упрямства.

– Вы мне приказываете? – опешила она от его властного тона.

Все три часа, с того момента, когда он вытащил ее из кареты, Измайлов говорил с ней вежливо и даже как-то заискивающе. Теперь же он словно поменялся или как будто открылся с другой стороны.

– Именно! Приказываю, – кивнул он утвердительно, сверкая на нее глазами.

– И по какому праву вы...

– По тому праву, что я старше вас и опытнее. По тому праву, что я не прощу себе, если вы умрете от переохлаждения, и винить буду в этом себя!

– Боже, зачем вы так говорите?

– Сударыня, раздевайтесь немедленно! – он насильно сунул в руки Ирины свой мундир. – Я более не желаю слушать ваши отговорки. Сейчас вы не в той ситуации, чтобы играть в эти ваши достоинства и стыдливость. Я отвернусь, чтобы не смущать вас.

Спустя миг он демонстративно отвернулся.

Она стояла в нерешительности еще минуту, а затем начала стаскивать с себя мокрый редингот, платье и нижнюю юбку.

– Чулки и ботиночки тоже снимайте. Прикроете ноги моим плащом.

– Хорошо, – послушно кивнула она, смотря в его спину и видя, что он даже не шевелится.

Алекс терпеливо дождался, пока она разделется и накинёт его одежду. И только после того, как она затихла, спросил:

– Вы закончили?

– Да, можете поворачиваться, – глухо ответила она.

Он обернулся и быстро окинул ее взором. Мундир был невозможно велик ей в плечах и в длину, закрывая верх бедер. Она сидела на скамье, укутав ноги и бедра в его плащ. В этой одежде не по размеру она показалась ему невозможно милой и хрупкой. Быстро приблизившись, он подтянул скамью с девушкой к огню.

– Надо платье... – начала Ирина.

– Я повешу сушиться, не беспокойтесь. Сидите, грейтесь.

Проворно подтащив старый стул без сиденья, он перекинул через него ее мокрое платье, чулочки и нижнюю юбку. Ботиночки ее поставил ближе к теплым кирпичам, а редингот повесил на выступ трубы.

Ирина следила за ним, видя, что он ведет себя естественно и спокойно. И его явно не смущала эта странная ситуация. Но ее все это очень нервировало. Расскажи кому, что сейчас она творила в обществе этого поручика, позору не оберешься.

– Вы голодны? – спросил он вдруг.

– Очень, с утра не ела ничего.

– Правда? – удивился он и полез в свою небольшую поклажу, стоявшую у лавки.

– Вот, вчерашняя баранка, будете? Во время вахты не съел.

– Да, благодарю, – закивала она, обрадовавшись.

Быстро засовывая в рот черствую баранку и ощущая тепло, идущее от огня, которое уже окутало ее всю и согрело, Ирина даже почувствовала некую радость. Она вдруг улыбнулась Измайлову.

– Благодарю вас за все, Александр Григорьевич. Вы сегодня мой ангел-спаситель, не иначе, – пошутила она.

Он ласково улыбнулся ей в ответ, присаживаясь рядом.

Глава III. Друзья по несчастью

– Может, поговорим о чем-нибудь? – предложил Александр.

– О чем же? – Ирина обратила на него нежный взгляд, отмечая, как его ясные голубые глаза светятся добром, преображая скуластое бледное лицо и делая его невозможно красивым.

Поджав под себя ноги, девушка посильнее укуталась в его теплый плащ, ощущая приятное тепло, исходящее от небольшого костерка внизу.

– Как вы оказались на улице в такую рань и одна?

– Возвращалась из церкви с утренней литургии.

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Я не думаю, что мне следует отвечать на этот вопрос, – смущенно ответила она. – Это неприлично с вашей стороны, спрашивать меня об этом, сударь.

– Кроме нас тут никого нет. Почему бы не говорить открыто?

– Вы правы, мы одни здесь. Но все равно ваш вопрос весьма бестактен, – медленно, но беззлобно заметила она.

– И все же сколько вам лет, сударыня? – настаивал он и улыбнулся ей. – Шестнадцать? Семнадцать?

– В январе будет восемнадцать, – пролепетала она тихо.

– Это замечательно. Вы обручены?

– Нет. Какое это имеет значение? – удивилась она, смотря ему в глаза. – И вообще, почему задаете вопросы только вы?

– Спрашивайте, я отвечу, – кивнул он.

– Вы давно служите?

– Почти восемь лет. В семнадцать поступил на службу в Семеновский лейб-гвардии полк, – ответил Измайлов и тут же поинтересовался: – Когда ваш батюшка намерен вывозить вас в свет?

– Обещал этой зимой, – ответила Ирина. – Знаете, я очень этого жду. Моя подруга Лиза Волконская очень лестно отзывалась о зимних балах, особенно о блеске императорских. Вы там бывали?

– К сожалению, нет. У меня нет парадной одежды для подобных увеселений, а жалование скудно. К тому же все мое время занимает служба. Это единственное, что приносит мне деньги, дабы достойно содержать себя.

– Но разве вы не имеете своего поместья, которое приносит вам доход? – удивилась девушка.

– Поместье есть, но оно очень мало. Всего одна небольшая деревенька и одноэтажный особняк. Потому мы с братом едва сводим концы с концами. Отец умер, когда мы были еще детьми. Наш двоюродный дядя похлопотал, чтобы мы получили хорошие чины в полку. Если всё пойдет удачно, я вполне смогу дослужиться до майора или капитана.

– А моя матушка умерла при родах, меня удалось спасти. Потому я видела ее только на портретах в гостиной. Батюшка сразу женился во второй раз, у меня есть младшая сестрица – Оленька. Мы сильно дружны с ней, ведь ее матушка тоже давно умерла.

– Ваш батюшка весьма уважаемый человек при дворе императрицы, – констатировал Александр.

– Да, вы правы.

– А как он смотрит на ваше будущее?

– Не поняла вашего вопроса?

– Ну, он же наверняка говорил вам, что хочет для вас богатого жениха? Или чтобы вы вышли замуж по любви?

– Он не говорил со мной на эту тему. Но я приму с покорностью любой его выбор.

– В смысле любой? – нахмурился Алекс. – Даже если жених будет стар и уродлив, вы подчинитесь воле отца?

– Непременно, – твердо сказала Ирина. – Разве хорошая дочь не должна слушаться во всем отца? Батюшка не может мне желать плохого.

Они оба замолчали, словно ожидая вопроса от друг друга. Некоторое время они сидели в тишине, смотря на горящие дрова, и Александр пару раз подложил в костер небольшие обломки лестницы, чтобы жар огня не спадал.

– Вы согрелись? – спросил участливо он через некоторое время, поправляя длинной палкой горящие обломки лестницы.

– Да, вполне. Спасибо вам, не дали мне окоченеть от холода. Вы были правы, так гораздо теплее, – улыбнулась она ему.

– Я предупреждал, – закивал он довольно. – И зачем надо было упрямиться?

– Сама не понимаю, наверное, это все моя няня. Она постоянно твердит – девушка должна правильно себя вести и делать только то, что положено, иначе ее репутация будет испорчена.

– Хорошо, что я не девица. Я бы, наверное, и недели не протянул со строгими запретами, в которых держат вас няни и маменьки, а еще эти ваши корсеты, пытка одна, – пошутил он.

– Но согласитесь, если бы нам позволялась все, мужчины бы этим пользовались, и наверняка было бы много неприятных историй о лишенных чести и обманутых девицах. Вы же, мужчины, ох как коварны! – добавила она с умным видом.

– Вы-то откуда это знаете? – рассмеялся он. – Вы, вижу, домашняя девица, в свет-то еще не разу не выезжали, а говорите так уверенно. Опять ваша нянюшка вас просвещает?

– Не только, еще моя гувернантка, мадам де Брилье, говорит, что мужчины только и думают, как соблазнить девиц, ведь у них одно на уме.

– А-а-а, – протянул Александр, прямо забавляясь ее «умными» знаниями о мужчинах. – Оттого вы боялись раздеваться? Думали, что я... – он запнулся, ибо она смотрела на него такими чистыми невинными глазами, что не то что говорить, но и думать о ней в подобном похотливом ключе было крайне неуместно. – И напрасно. Скажу вам прямо – вы, ваши мадам гувернантки и няни совсем не разбираетесь в мужчинах. Точнее, вы судите обо всех одинаково. Но есть и другие мужчины. Поверьте, когда предлагал вам раздеться, я думал только о том, чтобы вы не заболели, и все. Никаких других мыслей у меня и в помине не было.

Явно задетый ее словами, он отвернулся от девушки и, скрестив руки на груди, встал. Сделав пару шагов к окну, он выглянул через грязное стекло на улицу.

– Похоже, вода перестала прибывать, – заметил он. – Если все будет хорошо, скоро она пойдет на спад.

– То есть скоро мы сможем наконец выбраться отсюда? – с воодушевлением спросила Ирина.

Измайлов увидел, как по глади воды, заполонившей улицы, движется большая лодка. В ней сидели двое военных, они что-то кричали и размахивали руками. В тот миг, когда Алекс зацепился за них взглядом, они снимали с фонарного столба некоего человека, который, видимо, все это время держался за него, чтобы его не смыло водой. Мысль о том, что в этой лодке следовали по волнам равнодушные люди, пытающиеся спасти пострадавших, накрыла его.

– Возможно, – ответил он девушке, не оборачиваясь и не спуская взора с лодки с военными, которые уже посадили несчастного рядом с собой и поплыли далее. – Все последние наводнения, насколько мне известно, длились не более суток. Так что, возможно, сегодня вечером или завтра поутру мы сможем выбраться из этого заброшенного дома.

– Было бы хорошо, – пролепетала она в ответ.

Вскоре лодка с военными достигла дома, где находились молодые люди. Измайлов чуть посторонился от окна, отчетливо видя, что стоявший на носу человек, задрал голову, машет ему, явно намереваясь помочь. Измайлов вдруг испугался этого.

Он совсем не хотел, чтобы их спасали сейчас. Нет. Какое-то внутреннее чувство требовало еще хоть чуть-чуть продлить эту сказку. Он жаждал еще немного побыть наедине с этой девицей здесь, на чердаке, только она и он. Ведь он прекрасно знал, что вскоре суровая реальность заберет это милое наивное создание у него. Алекс прекрасно осознавал, что ее отец-сенатор не позволит им более близкого знакомства, потому что он был всего лишь обычным поручиком в полку, без связей и состояния. Она же родилась царевной и принадлежала другому миру, роскошному и знатному, вход в который открывали только деньги, которых у него не было.

Ирина украдкой бросала взоры на широкоплечую фигуру молодого человека в белой несвежей рубашке, на темные вихры коротких густых волос и сильные длинные ноги в обтягивающих штанах и высоких сапогах. Ей нравилось смотреть на него. Измайлов имел высокую подтянутую фигуру, военную выправку и некую вальяжность движений.

Он стоял в одной шелковой рубашке к ней спиной, и Ирине казалось, что ему должно быть невероятно холодно. Ведь на улице было около десяти градусов. Конечно, в доме было чуть теплее, ибо сюда не проникал ветер и этот надоедливый дождь, но все же даже она, сидя в его теплом мундире и укутанная его плащом, у огня, все равно зябла. Она потихоньку перебирала свои мокрые волосы, распуская их и подставляя огню, чтобы они поскорее высохли.

– Вам не холодно, Александр Григорьевич?

– Вовсе нет, не переживайте, – ответил Измайлов, обернувшись к ней и чуть улыбнувшись. Он решил не говорить ей о лодке внизу и быстро присел рядом с Ириной на скамью у огня. – Я закаленный. Матушка воспитывала нас с братом в суровых условиях и всегда говорила, что я должен стать настоящим солдатом и офицером. Ее уроки пошли мне на пользу. Я совсем не болею, и тяготы походной офицерской жизни меня не так терзают, как моих сослуживцев по полку, которые выросли во дворцах.

– Ваша матушка мудрая женщина. Вы живете с нею?

– Нет она умерла десять лет назад от оспы. Я обитаю в казарме, при полке.

– Это, наверное, тяжело, потерять близких?

– Да, вы правы. Сейчас у меня остался только младший брат, Кирилл. Он тоже служит в моем полку. Да дядя.

– Начинает темнеть, как здесь все же неуютно, – нахмурилась Ирина, сильнее кутаясь в его плащ.

– Весьма прискорбное происшествие с этим наводнением сегодня, – заметил он, вздохнув. – Но знаете, Ирина Николаевна, отчего-то я даже рад, что так все случилось.

– Рады? – опешила она.

– Да. Если бы не эта бурная вода, вы бы не сидели напротив меня теперь, в моем мундире...

Его фраза, произвела на Ирину неприятный эффект, и она смущенно опустила глаза на свои руки, ощущая, что ей не по себе.

Она сидела напротив него, так и поджав ноги, на другой стороне лавки, совсем близко. Александр напряжено и призывно смотрел на нее, обволакивая девушку взором, и ему казалось, что он мог бы сидеть так вечно. Ее распущенные уже высохшие волосы переливались золотыми искрами от всполохов пылающего огня. Она, как и прежде, смущалась под его поглощающим взглядом и то и дело опускала глаза, а через некоторое время вновь поднимала, словно желая удостовериться – смотрит он на нее или нет.

– Не смотрите на меня так, – выпалила она нервно в какой-то момент, чувствуя, как под его горящим взором у нее заалели щеки.

– Не могу, – парировал он глухо, так и не спуская с ее лица взора. – У вас невероятного цвета глаза. Бархатные, словно теплая шоколадная глазурь...

– Боже, – выдохнула Ирина, опуская взгляд на свои руки, совершенно смущенная и трепещущая, и спустя миг тихо вымолвила, обращаясь как будто к самой себе: – И отчего я оказалась в этой глупой ситуации? За что мне это...

Он промолчал на ее выпад, внутренне ощущая, что девушка просто устала от сегодняшнего неприятного водоворота событий. Его мундир прикрывал ее бедра, а далее шел его темный плащ. Взор Алекса мгновенно пробежался по ее опущенным ресницам, и он сглотнул комок в горле.

Ирина тоже молчала, так и не смотря на него. Он же сосредоточил свое внимание на огне, начав поправлять поленья, то и дело вскидывая глаза на ее красивое бледное лицо и чувствуя, что сказал искренне и совсем не хотел обидеть ее. Но она отчего-то огорчилась.

– Вы обиделись? Я не хотел оскорбить вас, Ириша, – мягким обволакивающим голосом произнес Александр. Эти интимные моменты, когда она сидела рядом и он мог говорить с ней без этикета и просто любоваться ею, завораживали молодого человека невероятно. – Могу я называть вас так?

– Нет, – ответила она тихо и подняла на него темно-ореховый взор.

– Отчего же? – поинтересовался он.

– Потому что мы с вами знакомы несколько часов, Александр Григорьевич. Нас не представляли друг другу, как должно, и вообще, я не имею права находиться рядом с вами, здесь, наедине. Это как минимум неприлично.

– Прямо трагедия для вас, как я посмотрю, – ехидно заметил он.

– В каком-то смысле, – напряженно ответила она, моргнув несколько раз. – И надеюсь, вы не будете позже распространяться в обществе о том, как мы сегодня познакомились и что делали теперь. Иначе моя репутация будет навсегда испорчена.

– Ничего зазорного мы и не делали, сударыня. Я всего лишь поднял вас на чердак и усадил к костру, что в этом дурного, я не пойму? – уже недовольно заметил Измайлов, заводясь.

– Александр Григорьевич, я прошу вас. Дайте мне обещание, что не будете рассказывать об этом.

– Хорошо, обещаю, – буркнул он и наконец убрал свой поглощающий горящий взор с ее лица, переведя его на огонь.

Он начал нервно помешивать горящие уголья. Ирина видела, что он обиделся, но ей было все равно. Это было даже к лучшему, ведь теперь он перестал смущать ее своим настойчивым взглядом, который вызвал у нее мурашки по всему телу.

– Уже совсем темно, – через некоторое время тихо вымолвила она, зевая.

– Можете лечь на лавку, подремать, вы наверняка устали, – предложил он, вновь выглядывая на улицу и видя, что вода начала немного спадать. – Думаю, до рассвета мы вряд ли выйдем отсюда.

Подойдя к ее одежде, висящей на спинке стула с другой стороны от костра и на выступе дымохода, он осмотрел ее.

– Редингот высох, платье нет. Можете накинуть его для тепла.

– Благодарю, – кивнула Ирина, принимая из его рук свою верхнюю одежду. – А вы?

– Подремлю сидя, – заявил он, пододвинувшись на самый край лавки ближе к стене с окном и освобождая для девушки как можно больше места. – Я привыкший. Порой в окопе приходится дремать и в худших условиях, – сказал он безразлично. – Хотите пить?

– Да, у вас есть?

Кивнув, Измайлов достал из сумы под лавкой небольшую фляжку и протянул ей. Девушка глотнула всего пару раз, опасаясь, что после захочет облегчиться, а здесь это было невозможно сделать. Потому Ирина быстро отдала ему фляжку обратно.

Сняв с шеи теплый платок, она положила его под голову и легла. Поправив на ногах плащ и, укрывшись еще своим рединготом, прикрыла глаза. Ее ступни лежали у его бедра, чуть задевая молодого человека. Он же, опершись о стену, также прикрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнув.

Ириша почти уже задремала, убаюканная завыванием ветра за окном и тихо потрескивающими в костре поленьями, как вдруг в тишине услышала глухие слова Александра:

– И что с того, что нас не представляли друг другу? – и далее добавил после некоторого молчания: – Мне отчего-то кажется, будто я знал вас всегда...

Она напряглась всем телом и промолчала, так и не открывая глаз, делая вид, что спит.

Проснувшись Ирина от легкого прикосновения к своей щеке. Распахнув глаза, она увидела над собою Измайлова. Его лицо находилось очень близко, и на миг ей показалось, что он хочет поцеловать ее.

– Что вы делаете? – спросила она глухо спросонья, опершись рукой о скамью и приподнимаясь.

– Ничего, – буркнул он и тут же поднялся с корточек, выпрямился и чуть отошел от нее.

Было ужасно холодно, и девушка зябко поежилась. Отметив, что уже светает, Ириша села на лавке, отмечая, как Александр присел к догорающему костру. Он как-то странно посмотрел на нее и проникновенно вымолвил:

– Может быть, я хочу испортить эту вашу «правильную» репутацию. Вдруг ваш батюшка после этого отдаст мне вас в жены.

– Если это шутка, то весьма неуместная, – выпалила она, опуская ноги и видя, что ее ботиночки стоят рядом с лавкой.

– Ваши вещи высохли, можете одеваться, – как-то недовольно заявил он и быстро отошел к окну, отвернувшись.

Ирине повторять было не надо. Она проворно стащила свою одежду со стула и как можно скорее облачилась в нижнюю юбку, чулочки, платье, надела редингот и ботинки. Уже на ходу повязывая шейный платок, она приблизилась к Измайлову, который, как истукан, стоял все это время к ней спиной и смотрел на улицу. Привстав на носки, она тоже выглянула в грязное пыльное окно и увидела улицу, чуть запорошенную снегом. Радостным взором она отметила почти сухую улицу, дворников, которые пытались навести порядок после наводнения, собирая остатки бревен, и даже пару экипажей, ехавших по мостовой.

– Боже! Вода спала! Как чудесно! Вы были правы, Александр Григорьевич!

Она быстро застегнула свой редингот, отмечая, как идет пар изо рта, похоже, за ночь сильно похолодало. Устремившись к выходу с чердака, Ирина обернулась к молодому человеку, который в этот миг надел своей мундир, оставленный ею на лавке, и начал застегивать его.

– Вы поможете мне спуститься, сударь? – попросила она настойчиво.

– Сейчас помогу, – пробормотал как-то недовольно он, удостовераясь, что угли потухли.

Надев на плечи плащ и подхватив свой кивер и небольшую поклажу, он подошел к ней. Спустился сам, потом помог девушке. Затем они прошли на первый этаж дома по мокрой лестнице и выглянули наружу.

Уже на узком крыльце Ирина повернула к нему лицо и, улыбнувшись, сказала:

– Спасибо вам за все, Александр Григорьевич! Прощайте!

– Могу я проводить вас до дому вашего батюшки?

– Не стоит, – ответила она строго. – Я сама доберусь. Всего хорошего, поручик.

Измайлов промолчал, уязвленный ее отказом, и остался стоять на крыльце заброшенного дома.

Ирина же быстро пошла по мостовой, стараясь не ступать на замерзшие скользкие лужи, более даже не обернувшись. Уже через пару минут около девушки остановился извозчик, и она, быстро прыгнув на подножку, приказала гнать к дому сенатора Трубецкого.

Александр мрачно смотрел ей вслед и ощущал, что за последние несколько часов в его душе возникло некое новое чувство, от которого его сердце сильно билось, когда он смотрел на удаляющийся от него экипаж.

Глава IV. Кулон

Санкт-Петербург, пролесок близ Р. дороги
1825 год, Май, 12, утро

Утренние солнечные лучи проникали внутрь кареты, которая быстро передвигалась по проселочной дороге. В экипаже ехали две юные девушки, сестры Трубецкие, они спешили на венчание в храм в пригороде Петербурга, находившийся в родовом поместье князя Кудашева.

Отец невесты, родственники и гости уже ждали в Успенской церкви, уехав туда еще час назад. Лишь карета с невестой чуть запаздывала. Старшая Ирина и младшая Оленька задержались в особняке Трубецких из-за поздно привезенной венчальной вуали на голову, сложную вышивку которой мастерицы закончили только сегодня поутру. Чтобы не расстраивать жениха, Николай Николаевич, отец невесты, поспешил в церковь с гостями, а Оленька осталась с сестрой, чтобы помочь ей как можно быстрее собраться. Теперь же обе девушки с нетерпением ждали, когда появятся очертания приметной деревеньки и голубого храма, куда они спешили на венчание.

– Ты сегодня невероятно хороша, Ирочка, – улыбнулась Оля, с удовольствием оглядывая чудесный подвенечный наряд старшей сестры, вышитый по низу и рукавам серебряными нитями.

– Неверное. Впрочем, как и все невесты в день венчания, – пролепетала безразлично Ирина, переводя печальный взор на милое лицо младшей сестры, обрамленное тугими темными кудрями.

– Нет-нет, ты неправа, сестрица, – замотала головой Оля, проводя взором по золотистым локонам Ирины, кружевной вуали на ее голове и по чуть приоткрытым белым плечам. На тонкой шее Ирины блеснул небольшой золотой кулон, и Ольга твердо добавила, улыбнувшись: – Этот лазурный шелк тебе очень к лицу, ты самая красивая из всех невест, которых я видела.

– Оленька, голуба моя, сколько же ты видела невест за свои шестнадцать лет? – печально усмехнулась Ирина. – Немного, я думаю.

Послышался гулкий цокот копыт, мимо кареты пронесся некий всадник, и в следующий миг Трубецкие отчетливо услышали крик: «Стой!».

Карета резко остановилась. Девушки были вынуждены схватиться руками за подлокотники, чтобы не упасть с сиденья.

– Что-то случилось? – удивилась Ольга, выглядывая в окно на улицу.

Девушка не успела даже взяться за ручку дверцы, чтобы выйти и поговорить с конюхом, как вдруг створка резко распахнулась, и в дверях показалась высокая фигура гвардейца в зеленой форме.

– А вот и краса-невеста! – выдохнул заплетающимся голосом Александр Измайлов, оставшись стоять на земле и загораживая своими широкими плечами проход.

Он был без головного убора, со взлохмаченными темными волосами, блуждающим воспаленным взором, и от него невозможно разило перегаром.

– Поручик, что вам угодно? – с вызовом спросила Ирина, задрожав, всем телом.

– Что мне угодно, сударыня? – выпалил он, испепеляя ее горящим взглядом. – Вы, несносная кокетка, клялись мне в любви, а теперь едете на венчание с другим?! Я требую объяснений!

– Не надо этого. Мы всё выяснили с вами неделю назад, Александр Григорьевич, – дрожащим голосом ответила Ирина, пытаясь держать себя в руках и неистово сжимая пальцами венчальный букетик цветов.

– Неделю назад вы решили порвать со мной! И все из-за него?! – не унимался Измайлов, видимо, не собираясь отступать.

– Да, – уже нервно заявила Ирина. – И прошу вас, не надобно теперь устраивать скандал, господин Измайлов.

– Вы все это время молчали о том, что намерены выйти замуж за этого придворного фанфарона, так?

– Не надо кричать, – возмутилась Ирина. – Между нами всё кончено, я же вам всё объяснила.

– Лицемерка! Вы говорили, что любите меня! Говорили! И не смейте отпираться!

После его слов Ирина как-то испуганно поджала губы и втиснулась в глубь кареты, несчастно смотря на молодого человека.

Переводя недоуменный взгляд от молодого гвардейца на сестру и обратно, Оленька не знала, как себя вести. Этот Измайлов, как назвала его Ирина, был крайне агрессивен и пёр напролом, видимо, намереваясь помешать предстоящему венчанию. И в этот миг Оля понимала одно: еще немного – и ее сестра станет героиней публичного скандала.

Чуть приподнявшись с сиденья, Оленька ударила концом веера несносного гвардейца по плечу и грозно заявила:

– Вы пьяны, поручик! Моя сестра не любит вас! Пойдите вон немедленно!

– Не вмешивайтесь, сударыня! – выпалил в сторону Оли Измайлов и вновь обратил яростный взор на Ирину.

– Ты так и будешь молчать? Я требую правды! – цедил он.

– Александр Григорьевич, прошу вас, не надо этого всего, я... – попыталась возразить ему Ирина, с каждой секундой сильнее бледнея. – Зачем эти крики...

– Я еще не то устрою! – пригрозил Александр и, поднявшись на подножку, заглянул внутрь кареты. – Ты что же, пленилась его богатством и положением? Так? Говори правду! Ты же намеренно скрыла от меня это венчание! Ведь так?!

– Сударь, оставьте в покое мою сестру! – опять возмутилась Оля, снова ударив поручика веером. – Ирина, скажи ему! – И тут же закричала в открытую дверцу кареты кучеру: – Эй, любезный, чего смотришь? Немедля убери этого господина из кареты, мы опаздываем на венчание.

Но кучер, кося взором, даже не сдвинулся с места. Отчего Оля сделала вывод, что этот дерзкий гвардеец дал кучеру хорошую взятку за невмешательство. Нахмурившись, она решила позже непременно поговорить с батюшкой, чтобы этого нерадивого конюха он сослал в дальнюю деревню, раз он так скоро продан за деньги этого наглого поручика.

– Да, я намеренно все скрыла, – простонала Ирина. – Я знала, что вы будете в ярости. И оказалась права...

– Вот как? – выпалил он, и вдруг его взор смягчился. – Это глупо, Ириша. Ты же меня любишь, я знаю, зачем тебе этот скучный царедворец? Он не сможет любить тебя как должно.

– Я не люблю вас. Князь Кудашев станет моим мужем, я этого хочу. Потому вы должны уйти, – заявила Ирина срывающимся от волнения голосом.

– Врешь! – выпалил Алекс в исступлении. – Думаешь, я поверю в это?

– Оставьте нас наконец в покое! – продолжала заступаться за сестру Ольга. – Моя сестра не любит вас, она уже сказала, что вам еще?

Раздался топот копыт неподалеку. Ольга, невольно обратив взор в окно, увидела, что к ним подъехал еще один гвардеец.

Воспользовавшись заминкой, Александр уже полностью забрался внутрь кареты и, склонившись над Ириной, схватил ее ручку. Страстно осыпая ее пальцы поцелуями, он проникновенно молил ее:

– Ириша, ты же меня любишь, вспомни, как нам хорошо было вместе. Прошу, отмени венчание... мы уедем...

– Боже, не надо, не надо... – лепетала Ирина в истерике, из ее глаз брызнули слезы.

Ольга истолковала слезы сестры по-своему и словно фурия набросилась на Измайлова.

– Вы что, ополоумели?! – взорвалась Оля, она начала хлестать веером дерзкого поручика по плечам. – Отстаньте от моей сестры! Вы пугаете ее!

В следующий миг в карету протиснулся еще один гвардеец, тот, что только что прискакал на лошади. Он схватил Александра за плечо и начал его оттаскивать от испуганной невесты.

– Алекс, не надо! Прекрати! – прохрипел он.

– Пусти, Кирилл! Я знаю, что она любит меня! Знаю! – не унимался Александр, пытаясь вырваться из цепкой хватки брата.

– Ирина, да прогони ты его наконец! – почти приказала Ольга в неистовстве, видя, как второй молодой парень пытается вытащить бешеного Александра из кареты, а тот неистово сопротивляется ему.

Стиснув до боли кисти рук, Ирина вперила отчаянный взор в сестру, понимая, что должна быть решительной, и громко заявила:

– Я люблю своего жениха, Александр Григорьевич. Вы слышите? И я выхожу за него замуж. Вы же пойдите прочь! Я более не желаю вас видеть никогда!

Александр замер уже у кареты, ибо Кириллу все же удалось выволочь его наружу, и потрясено смотрел на Ирину. Его глаза на миг остановились на некоем небольшом украшении – золотом кулоне на шее невесты. Испепеляя эту вещицу безумным взглядом, Александр вдруг дернулся вновь к Ирине.

– Его любишь, лгунья?! – прохрипел он в испуганное лицо Ирины и дерзко сдернул кулон с ее шеи. – Значит, это тебе более не нужно!

Ирина громко вскрикнула, опешив от его действий. Кирилл вновь схватил брата за мундир, пытаясь оттащить его от светловолосой девушки. Однако Александр уже сам спрыгнул на землю, яростно сжимая кулон в ладони, и прохрипел, сверкая на невесту глазами:

– Сама пойдешь прочь, изменница! Я тоже не желаю больше видеть тебя!

Он быстро отстранился от кареты, и Кириллу наконец удалось оттащить брата подальше.

Ольга проворно высунулась из кареты и, окатив грозным взглядом гвардейцев, приказала извозчику немедленно гнать далее в церковь.

Громко захлопнув дверцу, Оленька уселась обратно на сиденье и посмотрела на сестру, поджав губы. Ирина, приложив руку на то место на шее, где чуть раньше висел кулон, ненормальным взглядом смотрела перед собой в одну точку, а по ее щекам катились горькие слезы.

– Ну ты что, сестрица? Перестань, – пыталась успокоить ее Ольга. – Он отвязался. Надеюсь, приятель удержит его дальнейших выходок.

Слезы еще сильнее покатались из карих глаз невесты.

– Он забрал кулон, – лепетала Ирина трагично. – Как же я теперь без него?

– И зачем тебе этот кулон, Ирина? Что в нем?

– Неважно... я ведь и вправду люблю только его...

– Все верно, – кивнула Оля. – Тебе надо было сразу сказать этому наглецу, что ты любишь Виктора, чтобы он сразу же отстал!

– Нет, не его... я Сашеньку люблю... – всхлипнула Ирина, уткнула лицо в ладони и рыдалась.

Ольга сильнее вжалась в сиденье, уже ничего не понимая.

– Как это? Так ты любишь этого несносного гвардейца, Ирочка? – выпалила Оля, уже окончательно запутавшись. – Но зачем тогда ты...

– Батюшка велел... – простонала Ирина. – Я не могу послушаться его... батюшка сказал, что с князем Кудашевым я буду счастлива, ведь он баснословно богат и занимает высокое положение при царе...

– Господи, Ирочка, но отчего ты не сказала батюшке, что любишь этого... – Оля замялась, не в силах произнести имя поручика.

– Не посмела... батюшка ничего не знает... да и зачем ему знать? Я девственна, ничего между нами с Сашей не было, окромя поцелуев... а теперь что уж, я выйду замуж за Кудашева... такова моя судьба...

– Но, если любишь этого Александра, ты будешь несчастна. Ты должна бороться за свою любовь, Ирочка.

– Не буду, Оленька, – сказала твердо Ирина и убрала с лица локоны, смахнув последние слезы. – Я не нарушу волю батюшки, а Сашу я забуду, таков мой долг. Только вот кулон... он наверняка сильно разозлился на меня, потому и забрал его... а я так хотела любоваться им хоть иногда...

– Ты должна успокоиться, Ирочка. Виктор Сергеевич красивый, галантный мужчина, к тому же еще довольно молод. Уверена, ты сможешь полюбить его, и вы будете счастливы. И наверняка он сильно влюблен в тебя, – произнесла Ольга, нахмурившись, и сама почти не веря в свои слова.

– Да будет так... – подытожила в ответ Ирина, откидываясь на бархатную спинку сиденья и прикрывая глаза, зная, что сегодня ее жизнь изменится навсегда.

Когда карета скрылась за поворотом дороги, Александр процедил сквозь зубы проклятье и сторбил плечи. Кирилл приобнял брата и сказал:

– Ты должен забыть ее, она невеста князя Кудашева, куда тебе с ним тягаться. Тем более она сама сказала, что любит его.

– Все ее слова ложь, братец, и от этого только больнее, – процедил Александр.

– Да с чего ты это решил, Алекс?

– Знаю, – он раскрыл ладонь и безумным взглядом уставился на золотой кулон, сорванный с шеи Ирины. – Стала бы она надевать его на венчание, если бы до сих пор не любила меня?

Он быстро раскрыл кулон девушки, и Кирилл увидел внутри миниатюрный портрет Александра.

– У меня такой же с ее ликом, – прохрипел Алекс жутким голосом. – Мы обменялись ими, когда признались друг другу в любви...

Глава V. Беседка

Российская империя, кавказские минеральные воды
Кисловодск, 1827, июнь

В этот год июнь у предгорья кавказских гор стоял невыносимо жарким и душным. Лишь ночью, когда свежий воздух спускался с гор, окружавших живописную долину, где располагался курортный городок, местные жители и приезжие гости могли насладиться приятной прохладой.

В летнюю пору последние годы в Кисловодске кипела жизнь. Изысканная публика не только из столицы, но и из многих уездных городов приезжала сюда поправить здоровье горным воздухом, принять лечебные ванны и испить минеральной воды. Сюда прибывали богатые дворяне целыми семьями, командированные для поправки здоровья офицеры и даже члены императорского дома Романовых.

Кирилл Измайлов и Андрей Загорский прибыли в Кисловодск для лечения после последней военной кампании. Расквартировавшись в частном секторе еще в начале июня, несколько недель подряд они изнывали от безделья. Единственным их развлечением были пешие и конные прогулки. Однако в середине июня в Кисловодск начали приезжать многочисленные отдыхающие, и общество в городке стало более разнообразным и пестрым. Появились молодые дамы и незамужние девицы с дородными маменьками, важные чиновники и полковники в летах с семьями и прочая разномастная публика, желающая провести лето в теплом солнечном климате на юге империи.

В это утро Кирилл впервые за долгое время решил выйти на променады по окрестностям. После плотного завтрака в местном трактире он, желая наконец выполнить указания доктора, направился к главному источнику с кислой водой. Чуть прихрамывая и стараясь увереннее наступать на раненую ногу, чтобы разрабатывать ее, он приблизился к нужному месту ближе к полудню. В руке он сжимал новую глиняную кружку для питья, которую приобрел по приезду, но ни разу не пользовал. Здесь уже прохаживались немногочисленные отдыхающие: мужчины в летних сюртуках и дамы в изысканных нарядах, пришедшие так же к источнику. Измайлов с нескрываемым воодушевлением оглядывал окружающую публику, а в особенности молодых барышень, которые для него были в диковинку.

Последние два года штабс-капитан Кирилл Измайлов безвылазно провел на Южном Кавказе, воюя с персами. Только два месяца назад, получив опасное ранение в ногу, был отправлен на лечение домой, а затем сюда в Кисловодск с еще десятком сослуживцев. Офицеры прибыли в городок в начале лета и все это время томились от скуки, так как в городке было мало увеселений. Молодые люди занимали себя картами и стрельбой, вечером упиваясь вином. На прошлой неделе к Кириллу приехал его брат Александр с друзьями, получивший увольнение до осени, и это немного скрасило монотонное существование Кирилла. Ведь в этом маленьком курортном городке, кроме кислых ванн, пяти источников, живописных садов и близлежащих лесов, ничего интересного не было.

Вчера же весь Кисловодск облетело известие – позавчера поутру из самого Петербурга прибыли три дюжины экипажей с изысканной публикой. Почти неделю они ожидали в Железноводске благоприятной погоды для дальнейшего вояжа и только позавчера после разрешения местного начальства направились в Кисловодск. Теперь новоприбывшие дворяне остановились в роскошной ресторации с колоннадой и лестницей на главной улице города, чтобы вскоре подыскать себе местные дома для проживания на ближайший месяц. Ресторация была двухэтажной, имела ресторан, залы для танцев и балов, а также съемные комнаты для приезжающих.

Когда Кирилл приблизился к источнику с минеральной водой, облицованному белой плиткой, там находились три барышни в модных легких платьях и соломенных шляпках. Они что-то оживленно обсуждали и то и дело игриво смеялись, оглядывая окружающую публику. Измайлов остановился от них в десятке шагов, невольно любуясь их прелестным видом.

Одна из трех девиц более всего привлекла его внимание. Темноволосая, с густыми кудрями, спускающимися на изящные чуть приоткрытые плечи, с невероятно тонкой талией и изящными икрами в белых чулках, которые виднелись ниже подола ее нежно-розового платья, она была сама грация и красота.

Юная прелестница стояла к нему боком, и Измайлову хорошо был виден ее совершенный профиль с прямым носиком и округлыми щеками. Она что-то говорила своим подругам, которые крутили на плечах ажурные зонтики. Не в силах удержаться от соблазна, Измайлов приблизился к девушкам сзади в тот момент, когда темноволосая красавица, видимо, забывшись, нечаянно выронила из рук кружку из белой эмали. Та со звоном упала, разбившись, и все три девицы ахнули от неожиданности.

– Ой, какая я неловкая! – рассмеялась темноволосая девица, видя, как глиняные осколки разлетелись по земле.

Ее две подруги, стоявшие рядом, так же мило рассмеялись, видимо, находя все это забавным.

– Ах, теперь совсем нет кружки для питья этой вонючей воды, – продолжала темноволосая красавица. – Жаль, что я не смогу выполнить предписания немецкого эскулапа.

– Сударыня, не считите за дерзость, – тут же вмешался Кирилл, наблюдая за всей этой сценой и быстро приближаясь к девушкам ближе. – Я могу предложить вам для питья свою кружку.

Оленька медленно обернулась и окинула взглядом молодого широкоплечего офицера в зеленой форме, который приветливо улыбался ей, протягивая кружку.

– Она новая, я не пил из нее, – уже тише произнес Измайлов, пораженной чудесным видением юной девицы.

Вблизи она оказалась еще краше, чего стоили только ее светлые серо-голубые глаза, сверкающие и приводящие в невольный трепет. Темные крупные локоны обрамляли нежное лицо, а яркие губы дополняли ее чарующий облик.

– О! – округлила Оля губки, вертя на округлом плече кружевной белый зонтик. – Мы не знакомы, сударь? – спросила она, чуть прищутив глаза и окидывая взглядом подтянутую крепкую фигуру офицера. – Мне кажется, я где-то уже видела вас...

– Штабс-капитан Измайлов Кирилл Григорьевич, к вашим услугам, сударыни, – вежливо представился он.

– Ах да, что-то припоминаю, – пролепетала Оленька.

В ее голове вмиг пронеслись давние воспоминания: то неприятное утро в день венчания сестры, когда этот самый молодой человек оттаскивал своего неугомонного друга от Ирины. Но это было так давно, два года назад, что его лицо почти стерлось в ее памяти. И теперь Оля поняла, что этот молодой офицер брат того самого Алекса Измайлова, который до сих пор докучал ее милой сестре.

– Могу я узнать ваше имя, сударыня? – спросил Измайлов, пробегая восхищенным взглядом по стоявшей перед ним девушке.

– Ольга Николаевна Трубецкая, – ответила та. – А это мои подруги: княгиня Мария Ивановна Васильчикова и Зинаида Петровна Оболенская.

– Очень приятно познакомиться, сударыни, – поклонился галантно Кирилл, снимая фуражку с головы. – Прошу, возьмите кружку.

– Вы весьма любезны, месье Измайлов, – ответила Ольга, беря из его рук этот маленький презент. – Мой папенька всегда говорил, что среди наших офицеров очень много достойных молодых людей, теперь я убедилась в этом сама.

– Благодарю вас, – улыбнулся Измайлов, польщенный ее словами, а еще более кокетливой соблазнительной улыбкой, появившейся на лице Ольги.

Он видел, что красавица как-то пристально и уж очень внимательно рассматривает его, и отчего-то засуетился под ее настойчивым взглядом, который то и дело проходил по его плечам и лицу.

В следующую минуту Оля закончила свой инквизиторский осмотр и с вызовом спросила:

– Я хотела бы прогуляться по колоннаде и саду, вы бы не хотели составить мне компанию, штабс-капитан?

В первый момент Кирилл даже оторопел, потеряв дар речи. Он просто не ожидал, что подобная прелестная дева сама предложит ему прогулку. Он как-то глупо и потрясенно уставился на Ольгу, и она, явно не понимая, что происходит с молодым человеком, спросила:

– С вами все в порядке, сударь?

– Да, вполне, – тут же закивал Измайлов, приходя в себя от первого волнения. – Если вам угодно, мадемуазель, я с огромным удовольствием составлю вам компанию для променада.

– Вот и прекрасно, – кивнула она и велела: – Пожалуйста, подождите меня чуть в сторонке, штабс-капитан, я сейчас.

Понятливо кивнув, и раскланявшись с другими девицами, Измайлов послушно отошел на десять шагов, ожидая свою спутницу.

– Помните наш вчерашний разговор? – спросила тихо Оля, наклоняясь к Мари и Зиночке, стараясь говорить как можно тише.

– Ты говоришь о... – начала возбужденно Мария и тут же замялась. – Всего за два часа?

– Да, этого вполне хватит, – кивнула Оля уверенно.

– И что же? – непонимающе заявила Зиночка.

– А то, что я докажу вам, что права, – сказала, коварно улынувшись, Ольга, окидывая прищуренным лисьим взглядом крепкую фигуру Измайлова, который после ее предложения даже не собирался скрывать своего интереса, и его взор был слишком красноречив. – Этот как раз подойдет. Мы с ним только познакомились, потому все будет честно.

– Ты, Оленька, очень рискуешь своей репутацией, по-моему, – обеспокоилась Зиночка.

– Нисколько, поверь, – хитро улыбаясь, заявила Оля.

– Неужели ты сможешь? – подозрительно спросила Мари.

– Конечно, – ответила уверенно Ольга. – Итак, договорились. Ждите меня через два часа рядом с восточной беседкой у дальней границы сада. Все сами увидите.

– Хорошо! – закивала Зина.

– Вы приехали сюда с родителями? – тут же завел разговор Измайлов, едва девушка ухватила за его подставленный локоть, и они последовали вдоль белокаменной колоннады.

– Нет. Только с батюшкой и старшей сестрой. Матушка давно умерла.

– Простите.

– Ничего. Я уже пережила то горе. Батюшка настоял, чтобы мы приехали сюда на воды. У моей сестрицы, Ирочки, очень расшатаны нервы. Доктора советовали приехать, говорят, здесь целебный воздух.

– Я помню вашу сестру, – кивнул Кирилл. – Пару лет назад она вышла замуж.

– Да. За князя Кудашева, он тоже здесь, сопровождает Ирочку, – объяснила она. – А вы знаете, месье Измайлов, я прекрасно помню, как вы помешали своему брату испортить то венчалное торжество. Александр Измайлов ведь ваш брат?

– Вы правы, брат. Я удивлен вашей памятью.

– Еще бы! Такое недоразумение по дороге. Еще немного – и мы бы опоздали на венчание. Благодарю вас, что помогли нам тогда, – сказала Оля, ласково улыбаясь ему.

Они говорили о чем-то еще и еще, следуя по переходному променаду между других пар и нянек с детьми. Постепенно они прошли весь парк, разговаривая и получая удовольствие от общества друг друга. Именно так казалось Кириллу. Ведь Оленька все это время улыбалась ему открыто и нежно, расспрашивала о военной службе и искренне восхищалась окрестными пейзажами, открывающимися с разных сторон.

Кирилл чувствовал, что произвел на мадемуазель Трубецкую приятное впечатление, оттого она была так приветлива с ним и радостна в его компании. Спустя час или полтора Оленька вдруг предложила пройти в беседку, видневшуюся неподалеку, немного посидеть на каменных лавочках и отдохнуть. Измайлов тут же согласился, не желая противоречить желаниям этой прелестной нимфы. Он был совершенно очарован и околдован ее прелестью и непосредственностью.

Через четверть часа они вошли в беседку, и тут Ольга невольно сильнее ухватила за его локоть, якобы оступившись.

– Осторожнее, Ольга Николаевна, – заботливо произнес он, немедленно поддержав ее за талию, чтобы она не упала.

Всего миг, и он убрал руки с ее стана, чтобы не показаться слишком дерзким. Но этого было достаточно, чтобы девушка оказалась в опасной близости от него. Ухватившись ладонью за его плечо, Оленька сама приникла к нему телом, почти касаясь его груди, и томно вздохнула.

– Как, однако, горят ваши глаза, – проворковала она, не отрывая своего пленительного взора от его взволнованного лица.

– Неужели? – ответил Кирилл в том же сокровенно-интимном тоне, склоняясь к ней.

– Вы знаете, о чем я думаю весь последний час, Кирилл Григорьевич?

– О чем же?

– О том, как, неверное, умело вы способны поцеловать...

Это было последней каплей. Измайлов окончательно потерял голову от ее открытости, и его руки быстро обвили стан Оленьки, страстно прижимая ее к своей груди. Подчиняясь неистовому порыву, он с упоением приник к ее губам, ощутив их сладость и упругость.

Уже через миг поцелуй молодого человека стал более требовательным, и его рука невольно переместилась на ее шею, утопив пальцы в тугих темных локонах. Он задрожал всем телом от нарастающего возбуждения, ощущая ее нежный сладковатый запах.

Неожиданно совсем рядом раздался громкий смешок и голоса.

Глава VI. Шутка

Вмиг придя в себя от дурмана, которым окутала его эта сирена, Измайлов разжал руки и резко отстранился от девушки, понимая, что может скомпрометировать ее. Однако, на его удивление, Оленька сама отстранилась от него и громко выпалила:

– Я выиграла спор! Выиграла! Вы всё видели?!

Тут же в беседку, словно легкие птички, впорхнули три девушки в ярких платьях, двумя из которых были Зиночка и Мари. Они в один голос смеялись и защебетали, окидывая насмешливыми взглядами Измайлова.

– Оленька, я в тебе несколько не сомневалась! – воскликнула княгиня Мари, чуть отводя Ольгу с сторонку, подальше от молодого человека.

– Да, это было сделано так мастерски! Ты царица соблазнения! – закивала Зиночка.

Ничего не понимая, Кирилл стоял молча и, только когда в беседку поднялись два дворянина, один из которых был муж Мари, князь Васильчиков, Измайлов сбивчиво обратился к ним:

– Милостивые государи, это небольшая... это не то, что вы могли бы подумать, я лишь придержал Ольгу Николаевну, она запнулась и едва не упала, – начал выкручиваться Кирилл, подбирая слова, чтобы сохранить честь Трубецкой.

– Ах, сударь, не надо ничего объяснять, – смеясь воскликнула, обмахиваясь веером, третья молодая дама, Лидия, повиснув на руке второго кавалера, который так же как-то ехидно и насмешливо смотрел на Измайлова. – Мы всё прекрасно видели, как вы почти упали к ногам нашей несравненной Оленьки, она и вправду божественно хороша, ведь так, господин Измайлов?

Около беседки Кирилл заметил еще нескольких офицеров, которые наверняка тоже видели их поцелуй, но, видимо, не желая смущать Измайлова, остались стоять внизу. Двое из них были его сослуживцы, с которыми он снимал дом.

– Мари, это что же, все розыгрыш? – возмутился князь Васильчиков, только теперь понимая, зачем жена затащила его в эту беседку. Видимо, для того, чтобы выставить господина Измайлова в дурном свете.

– Конечно, мой милый! – закивала ему Мари. – Оленька у нас такая выдумщица!

Подтвердив свои догадки, князь еще более помрачнел, ему все это совсем не нравилось. Он строго взглянул на молоденькую Трубецкую и спросил:

– Ольга Николаевна, может, вы объяснитесь?

– Нечего объяснять, князь, – пожала белыми плечами Ольга, с насмешкой и неким презрением смотря в сторону Измайлова. – Мы поспорили на персидскую шаль вашей жены, Борис Андреевич. Что я за два часа смогу соблазнить любого незнакомого мужчину, и он непременно поцелует меня. А штабс-капитан как раз оказался рядом.

– Да, милый, я проиграла шаль Оленьке, – закивала княгиня Мари.

Девушки опять тихо защебетали, смеясь и обсуждая весь этот водевиль, который казался им забавным и возбуждающим. Они были явно в восторге от своей дерзкой проделки. Оленька стояла меж ними и вальяжно хитро улыбалась лишь уголками губ, как довольная кошка, только что проглотившая мышь. Она то и дело окидывала неприятным надменным взором своего незадачливого поклонника Измайлова.

Князь Васильчиков, чувствовал себя неловко, как и Измайлов, который недовольно поглаживал на девушек, не понимал, как далее себя вести.

– Какая дурная каверза, – наконец выдал князь беззлобно, обращаясь к жене и Трубецкой. – Зачем вы придумали всё это? А вы, месье Измайлов, как могли повестись на сладкие речи этой несносной кокетки? Прямо конфуз случился.

Смысл того, что теперь произошло, начал доходить до Измайлова, но он все равно не мог поверить в какие-то каверзы или злой умысел по отношению к нему со стороны этих юных прелестных девиц.

– Ах, отставьте, князь, – махнула рукой Ольга. – Я вот сильно проголодалась, пойдемте уже в ресторанцию обедать.

– Сударыня, я бы... – начал Кирилл, чуть приблизившись к девушкам и решив сделать вид, что ничего плохого не произошло.

– Что вам еще, сударь? – с вызовом спросила Ольга, сверкая на него очами.

– Я бы мог сопровождать вас в ресторанцию.

– Вам не кажется, что это уже лишнее? – с вызовом спросила она.

– Не думаю, – начал Измайлов опять.

– Штабс-капитан, умерьте свой пыл! – выпалила она уже недовольно. – Вы мне более не интересны сегодня.

Ольга отвернулась от этого простодушного Кирилла Измайлова, который оказался такой легкой добычей, что даже не стоило теперь думать о нем. Продержался даже менее двух часов и, как и остальные глупцы мужского пола, упал к ее ногам, даже не понимая, что сейчас стал для всех посмешищем. Оленька сразу же потеряла к нему интерес и вновь обратилась к Васильчиковым:

– Мари, Борис, идемте уже, – она ухватила за второй локоть князя и обратила взор на двух молоденьких подружек, одна из которых была с кавалером. – Зиночка, Лидия Филипповна, Альфред, вы с нами?

– Непременно, Ольга Николаевна, – поклонился, сняв шляпу Альфред.

– Да, надо подкрепиться, а то от этих прогулок я ужасно проголодалась, – закивала Лидия.

Лидия и Зиночка, ухватившись за локти Альфреда, спустились вниз по ступеням беседки. Князь Васильчиков глухо прокашлялся, обращая на себя внимание Измайлова, и извиняющимся тоном сказал:

– Простите, Кирилл Григорьевич, за это глупое недоразумение наших пташек. Тут довольно скучно, оттого они и придумывают всякие шутки, не держите на них зла.

Измайлов в ответ лишь поджал губы, чуть склонив голову.

Васильчиков, услужливо подставляя оба локтя жене и мадемуазель Трубецкой, поспешил вдоль по дорожке в направлении ресторации. Кирилл же смотрел им вслед, весь в противоречивых думах.

Он не знал, как реагировать на все это. Ведь он было военным и большую часть своих юных и молодых лет провел на войне. Вот там всё было понятно ему, не то что это светское общество.

Немного шокированный поведением Ольги Трубецкой, он понимал лишь одно – она зачем-то решила поиграть с ним в игру, а когда он принял правила ее игры, немедленно остудила его пыл ледяными словами. Насчет притворного поцелуя он даже не расстроился, ведь он весьма и весьма понравился ему, и даже если это было на спор, то тоже неплохо. В противном случае ему вряд ли бы удалось поцеловать сегодня эту темноволосую озорную кокетку.

Едва две тройки молодых людей скрылись за густыми кустарниками, Измайлов проворно спустился из беседки к трем офицерам, которые так и стояли на дорожке внизу.

– Вы тоже знали про это пари, Андрей? – осведомился Кирилл у Андрея Загорского.

– Нет, конечно, – ответил тот. – Мы проходили мимо, увидели тебя с этой кокеткой Трубецкой в беседке.

– Еще и подружки ее пожаловали сюда, прятались вон за теми липами у беседки, – объяснил Роман Черкасов. – Мы и решили обождать немного.

– И что ж? Решили тоже поглазеть? – с вызовом спросил Измайлов.

– Прости, дружище, но мы случайно все увидели, не из злорадства, – добавил Андрей. – Хотя мы догадались что здесь что-то не так.

– Я, кстати, сразу заподозрил неладное, точнее, то, что Ольга что-то задумала. Не зря ведь она вцепилась в тебя еще у источника, – хмурясь, прокомментировал ситуацию третий офицер, друг Измайлова, Сергей Анненский. – При всем том, что сама мужчин на дух не переносит.

– Ольга Николаевна не переносит мужчин? Отчего же? – удивился Кирилл.

– А шут ее знает. Только играет со всеми да потешается. Ни разу не видел, чтобы она к кому-то искренне с чувством относилась.

– Я совсем не ведал о том, – вздохнул Кирилл, думая, отчего красавица оказалась совсем не такой, какой показалась ему при встрече.

– Да и откуда тебе знать, ты ж в столице и не показываешься. Она ж первая разлучница и соблазнительница Петербурга, – объяснил Сергей.

– И что же, эта девица Трубецкая так опасна? – спросил Измайлов.

– Еще как! – кивнул Сергей. – Коварна до жути. В том месяце корнет Оболенский и прапорщик Рожин из-за нее на дуэли стрелялись в Петербурге, оба сильно ранены были. Так она сразу обоих позже и прогнала.

– Сказывают, она и того и другого в любовниках держала, вот они и сцепились, – пояснил Роман, как-то гадко ухмыляясь. – Ненасытная кокетка.

– Вранье это все, Роман! – возмутился Андрей. – Она сама сказывала Зинаиде Оболенской, что даже не целовалась ни с кем из них. Они сами без ее ведома начали делить, кому она достанется.

– И ты поверил словам этой болтушки Зиночки? – усмехнулся Сергей. – Она сама кого хочешь обдурит.

– Как есть все правда. Вон как она тебя Измайлов ловко окрутила за час, ты и опомниться не успел, – поддержал его Роман. – Наверняка каждый месяц нового любовника поощряет.

– Ты неправ, Роман, – парировал Андрей. – Соглашусь, что Ольга Николаевна несколько ветрена, но она не кажется мне до такой степени распущенной, чтобы любовников каждый месяц менять, как ты говоришь. Она только в этом году первый сезон вышла в свет.

– То-то и оно, – оскалился Роман. – Как появилась она на первом балу этой зимой в Петербурге, так все и забегали. А она и рада всех соблазнять, а потом и мучить.

– Ты что же, хочешь сказать, что она уж не дева? – опешил Кирилл.

– А то! Стали бы все так беситься из-за нее и на дуэлях драться, если бы она подолом не мела.

– Разве такое прелестное существо может быть таким гадким, явно что-то тут не так, – сомневался Кирилл, не в силах поверить в слова Романа и Сергея.

– Ты, дружище, как вчера родился, – похлопал его по плечу Сергей. – Хотя я не далек от истины. Сидишь там в своих окопах да пушки перезаряжаешь без продыху. Роман правду говорит. Поклонников и ухажеров она ни в грош не ставит. Сначала соблазняет, а потом бросает, да еще и поиздевается перед тем себе на потеху.

– И не говори, красивая бестия, – процедил Андрей, вздохнув. – Я тоже уж понял, что даже шанса мне не даст, все мои цветы обратно отправляет. А я не такой видный, как ты, Роман.

– Так ты тоже к ней, ну, это... попытки делал, Загорский? – удивился Кирилл.

– Да все мы тут пытались, – как-то зло заявил Роман. – Она уже год всем нервы треплет, но никого особо не отмечает, только перебирает да потешается.

– Лучше держаться от нее подальше, себе спокойнее, – кивнул Сергей.

Глава VII. Сестры

Ольга шла в компании Мари и ее мужа, держась за локоть князя Васильчикова, и жмурилась от ласкового слепящего солнца. У нее было прекрасное настроение, весь сейчас ей удалось выиграть глупое пари только оттого, что этот простофиля штабс-капитан, который явно не поднаторел в ухаживании за дамами, оказался таким наивным и правильным.

Чувствуя сильный голод, резко возникший от всей этой суеты с поцелуями и пари, Ольга уже предвкушала, как теперь в ресторации поднимется в комнаты княгини Кудашевой, и они вместе с сестрой Ириной спустятся в ресторан. Возможно, к ним присоединится и князь Кудашев, супруг сестры, если, конечно, он уже вернулся. Все последние дни Виктор Сергеевич занимался поисками пригодного для проживания дома на ближайший месяц.

Когда они приблизились к двухэтажному роскошному зданию ресторации, взгляд Ольги невзначай остановился на паре молодых людей, стоявших чуть поодаль у ажурных скамеек и говоривших о чем-то. Одной из них была Ирочка, а второй...

У Ольги по спине прошел холодок, ибо она отчетливо узнала в мужчине человека, который вызывал у нее стойкую неприязнь.

С Оленькой они условились пообедать после двух пополудни, но скучать в комнатах Ирине совсем не хотелось. Еще к полудню она привела себя в должный вид, надев утреннее розовое платье из французского шелка и приказав горничной Глаше причесать ее по-модному с локонами по бокам лица. Муж покинул их комнаты еще до полудня. Ирина была этому только рада, надеясь, что до вечера Виктор Сергеевич, как и накануне, будет заниматься поисками частого дома для съема.

Вообще, с самого венчания между Ириной и князем установились вежливые довольно прохладные отношения. Все прошедшие два года они мало общались, постоянно находили поводы побыть порознь и не обременять надолго своим обществом супруга. Однако Кудашев исправно раз в неделю посещал спальню Ирины, дабы зачать наследников, именно так он ей объяснял свои интимные порывы. Ирина была покорна, приветлива, мягка с супругом, не отказывала ему в близости, но и особых восторгов от прикосновений мужа не испытывала. Она знала свой долг и пыталась стать хорошей примерной женой. Но желанный наследник никак не появлялся в ее чреве.

Ирина мужа не любила, но уважала и слушалась, как требовало ее воспитание, потому на протяжении всех двух лет даже не давала повода усомниться в своей верности. Однако до сей поры она не узнала мужа более близко. Он был старше ее на пятнадцать лет и оттого казался ей зрелым мужчиной, спокойным и влиятельным царедворцем при императоре. Мягкий характер Ирины очень импонировал Кудашеву, ибо сам он был довольно властным и авторитарным мужчиной. Потому послушная и юная жена, которая безгранично доверяла ему, весьма украшала его богатую жизнь.

Однако никто не знал, что образцовая роль супруги давалась молодой княгине нелегко, поскольку все это время ее терзала одна сердечная тайна, а точнее, один настырный поклонник – призрак из прошлой жизни, Александр Измайлов. Первые полгода после венчания с Виктором Ирина даже не видела молодого человека, слышала лишь, что он получил небольшую должность при дворе императора Николая II.

Вскоре Ирина стала встречать Измайлова на всех раутах и балах. Поначалу Александр вел себя отстраненно, даже не здоровался с новоиспеченной княгиней Кудашевой, видимо, все ещё тая обиду на нее. Но чуть позже, а именно, прошедшей зимой, Александр начал вести себя довольно странно. На некоторых балах он все же подходил к Ирине, приглашая на танец. Она, естественно, отказывала ему, ибо боялась даже намеком показать, что молодой поручик

все еще занимает значительное место в ее сердце. От ее отказов Измайлов злился, негодовал, порой даже ронял в адрес молоденькой княгини обидное слово. Но на следующее утро от него неизменно доставляли огромный букет цветов с запиской, с извинениями и уверениями в сердечной привязанности.

Ирина очень боялась, что муж узнает об Александре и о том, что они были знакомы до свадьбы, и сжигала все письма молодого человека. Но Кудашев особо не волновался по поводу интереса к его жене других мужчин и даже не подозревал, что его супругу преследует молодой гвардеец. Ведь часто после больших балов Ирине присылали цветы поклонники, потому выделять именно Измайлова Виктор Сергеевич не думал, считая его обычным воздыхателем, каковые были у многих хорошеньких дам при дворе.

Обо всех своих страхах и о постоянном преследовании поручика Ирина тайком рассказывала сестре Оленьке. Ведь еще с детства они были очень дружны и любили друг друга безмерно. Хотя Ирина свою любовь к Александру держала глубоко в сердце, не говоря о ней даже Ольге, та инстинктивно чувствовала страдания старшей сестры и замечала, что воспоминания об Александре вызывали у Ирины мучительные приступы меланхолии и печали, перетекая в продолжительные головные боли.

Беспокоясь за любимую сестрицу, Оля советовала Ирине избегать Измайлова, потому что с этим человеком из прошлого не могло быть будущего. Ольга убеждала Кудашеву в необходимости полюбить мужа, но Ирина твердила, что не может любить Виктора, он был слишком степенным безэмоциональным человеком, холодным и спокойным, словно заледеневший Финский залив зимой. Именно все эти переживания за последний год расшатали нервы Ирины, и потому этим летом по совету докторов и по настоянию Ольги Кудашевы отправились для лечения на воды.

Ирина вышла на улицу из ресторации, желая побыть на воздухе и подождать Ольгу здесь. Однако не прошло и пары минут, как к ней приблизился статный военный в форме.

– Добрый день, Ирина Николаевна, – раздался сбоку от нее низкий знакомый голос с хрипотцой.

– Боже, это вы, Александр Григорьевич, – тут же обернулась Ирина к нему, он уже приблизился на минимальное расстояние. – Зачем вы здесь?

– Я ждал вас, княгиня, – заявил он и, указав рукой в сторону, тихо предложил: – Может, отойдем, чтобы нас никто не услышал?

– Не думаю, что это хорошая мысль, сударь. Я жду сестру и уже...

– Я не займу у вас много времени, Ирина Николаевна, – заявил он громко и тут же стремительно наклонился к ней и выдохнул над ее ухом: – Ириша, прошу, отойдем, не ровен час услышат.

Она быстро нервно кивнула, и они отошли от основной массы снующих по парадному крыльцу постояльцев ресторации.

– Перестаньте преследовать меня, Александр Григорьевич, – строго заявила Ирина, едва они отошли к каменной скамье, чуть скрытую большими вазонами с цветами. – Я всё вам сказала еще два месяца назад в Петербурге. Повторяю, я останусь верна мужу, и ваши пылкие речи ни к чему не приведут.

– Конечно, будешь верна тому, кого не любишь, тебе самой не противно от этого?

– Нет. Это мой долг, и моя честь не будет запятнана.

– Пафос, Ирина, только пафос и громкие слова, – не выдержал Александр, сверкая на нее негодующими бледно-голубыми очами. – Посмотри на себя, в кого ты превратилась? Ты словно тень своего мужа, не улыбаешься, не радуешься, бледная словно моль. Где та девица с алеющими щеками и сверкающим озорным взором, которую я вытащил из утопающей кареты? Ее нет. Кудашев потушил твой свет, Ирина. Неужели ты не понимаешь, что гибнешь с ним...

– Замолчите, – произнесла она нервно, чувствуя, что все его слова жестокая правда. – Что вам угодно? Говорите побыстрее, мне некогда.

Обиженно сжав губы, Измайлов едва сдержался, чтобы не вспылить. Ирина пыталась казаться безразличной, но он прекрасно видел, что она борется с собой. Он же до сих пор видел в ней лишь ту самую невинную чистую девушку, которую спас когда-то от наводнения. И совсем не хотел отпускать ее из своей жизни, тем самым мучая и ее, и себя.

– Это о твоём муже...

– И что же? – она вскинула на него печальный взор.

– Я хочу, чтобы ты знала. Он не любит тебя, вот здесь доказательство того, что он имеет связь с другой женщиной.

Он протянул ей небольшое письмо.

– Вы о чем? – опешила Ирина, холодея от его безапелляционных заявлений, и нерешительно взяла конверт.

– Прочти письмо и все узнаешь, где и с кем проводит время твой досточтимый супруг, – ехидно заявил он. – Можешь и сама воочию убедиться, там указано место.

– Неправда, – отчаянно замотала она головой, даже боясь поверить его словам. – Вы говорите это намеренно, Александр Григорьевич, чтобы очернить князя в моих глазах, и я знаю отчего.

– Да пойми ты, глупышка, – уже вспылil Александр, уже как-то угрожающе склоняясь к ней, и почти шепотом произнес: – Этот князек не достоин тебя и твоей верности. Он и женился-то на тебе ради приданого и твоей родословной, все о том болтают. Как на дорогой племенной лошади.

– Неправда, – промямлила она, уже как-то неуверенно.

– Это правда, Ириша, как и то, что я люблю те...

– Опять вы, поручик?! – раздался за его спиной громкий низковатый голос Ольги.

Александр резко замолчал и стремительно обернулся к Ольге Трубецкой. Темноволосая девушка остановилась в двух шагах от него и, быстро закрыв свой ажурный зонтик, как-то угрожающе похлопывала им по своей ладони. Он видел, что ее прекрасные серебристые глаза метают молнии.

– Доброго дня, сударыня, – холодно поздоровался Измайлов, снимая фуражку и выпрямляясь.

– Когда вы оставите в покое мою сестру? – возмущенно заявила Ольга.

Она вспомнила, как два дня назад по приезде в Кисловодск прямо у входа в ресторацию они с сестрой наткнулись на этого дерзкого Александра Измайлова. Тогда он просто поздоровался и прошел мимо, но его горящий взор, направленный на Ирину, не укрылся от острого взгляда Ольги. И теперь она опять видела его рядом с сестрой.

– А вы, Ольга Николаевна, опять стоите на защите ее чести? Разве она сама не может мне сказать, желает со мной общения или нет? – огрызнулся Алекс, натянувшись, как тетива от лука.

– Оленька, он прав, мы сами все меж собой решим, – тут же сказала Ирина.

Оля проигнорировала слова сестры, зная, что та слишком мягка и тиха, чтобы осадить как следует этого нахала, который волочился за нею и уже второй год не давал Ирине проходу.

– Милостивый государь, у Ирины есть муж, – угрожающе процедила Ольга. – И, если увидит вас с ней, он будет очень и очень недоволен, я думаю.

– Я должен испугаться после этих слов? – с вызовом спросил Александр.

– Если бы вы не были дураком, то поостереглись бы, хотя бы молвы людей, – продолжала Ольга в том же тоне. – Стоите посреди улицы с замужней дамой и что-то шепчете ей на ухо.

– Вы, как и обычно, невозможно дерзки, Ольга Николаевна, – как-то злобно оскалился Измайлов. – Не чета вашей сестрице. Она ангел по сравнению с вами.

– Потому такие демоны в человеческом обличье, как вы, и пользуются ее беззащитностью, – парировала Ольга.

– Оленька, прошу, не надо ссор, – забеспокоилась Ирина, видя, что Алекс и Оля сейчас вцепятся друг в друга. – Месье Измайлов просто подошел поздороваться со мной и все...

– Нет не все, – тут же подхватил Александр. – Я люблю вашу сестру, Ольга Николаевна, и сейчас прямо сказал ей об этом, вы удовлетворены?

– Александр Григорьевич, зачем вы... – залепетала Ирина, тут же заалев от смущения щеками и опуская глаза.

– Вполне, – как-то сладко-опасно улыбнулась Ольга. – Сейчас я позову сюда князя Кудашева и скажу ему о вашей любви и посмотрим, что от вас останется после этого.

– И прекрасно, – кивнул также со сладко-ехидной ухмылкой на лице поручик. – Наконец-то дуэль! Пущу ему пулю в лоб, чтобы уже избавить Иришу от этого мерзавца!

– Боже... – воскликнула Ирина в ужасе. – Не надо так говорить.

– Вы так самонадеянны, сударь, что даже не допускаете мысли, что пуля может оказаться в вашем челе? – заявила Ольга.

– Это вряд ли, я отменно стреляю.

Видя, что страсти накалены до предела, и действительно опасаясь, что может появиться Кудашев или кто-нибудь доложит ему об этой недвусмысленной ситуации, Ирина быстро выпалила:

– Александр Григорьевич, прощайте, мы с сестрой спешим в ресторан, там нас уже ждут.

– Ирочка, ты права, – поддакнула ей Оля. – Идите своей дорогой, поручик, и забудьте наконец имя моей сестры, желательно навсегда.

Окатив неприятным взором Ольгу и обратив страстный взгляд на Ирину, Александр выпалил:

– Прочти письмо, Ирина, и ты поймешь, что я сказал правду!

Быстро поклонившись, молодой человек направился далее по улице.

– Этот несносный Измайлов уже второй год никак не успокоится, – заявила Оля, провожая недовольным взглядом высокую эффектную фигуру поручика. – Что за письмо, Ирочка?

– Неважно, – ответила та и сунула записку от Александра в сумочку.

Дом стоял на безлюдной улочке, среди однотипных построек, в окружении фруктовых деревьев.

Осторожно открыв калитку, Ирина вошла во двор и огляделась. Двор казался пустынным. Летние сумерки уже спустились на городок, окутывая причудливыми тенями небольшой двухэтажный особняк, увитый виноградными лианами. Тихо ступая, молодая женщина поднялась на невысокое крыльцо, и одна из ступеней скрипнула под ее легкой ножной. Дверь оказалась не заперта, и Ирина, чуть толкнув створку, зашла внутрь.

Она тут же услышала голоса, доносившиеся из ближайшей комнаты, скорее всего, прихожей горницы или кухни.

– Когда уже этот барин уберется восвояси, – проскрежетал недовольный женский голос.

– Тебе-то что за дело, Агриппина? – слышался другой мужской.

Притаившись у стены при входе, Ирина замерла, прислушиваясь.

– Как какое? – ответила недовольно женщина. – Почитай, весь день у нее толчется. Скорей бы уже шел домой. Мне еще барыню купать да постель перестилать. Поздно уж.

– Терпи, наше дело малое, – ответил мужчина. – Ты ж только ужин с вином отнесла им. Наверняка до ночи опять пробудет, как и вчера.

Тихо прикрыв к проему двери, Ирина чуть заглянула в кухню, увидев, что у печи сидят двое слуг. Лица их были повернуты к огню, и женщина что-то штопала.

Приняв решение, Ирина быстро прошмыгнула мимо дверей кухни, устремившись к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Ты слышал? – вдруг раздался голос женщины из кухни. – Словно кто-то ходит?

– Да кто ходит-то? – ответил мужчина. – Баре наверху, а хозяин в кабаке до сих пор, надо же деньги от госпожи прокутить. Показалось тебе.

Высоко поднимая юбки, Ирина стараясь ступать бесшумно на носочках, поднялась наверх и приблизилась к ближайшей двери. Заглянув, она удостоверилась, что комната пуста. Пройдя дальше, она остановилась у следующей двери и услышала приглушенные голоса. Замерев, она приникла к двери щекой, прислушиваясь, ибо мужской голос был ей знаком.

– Душечка, не будь такой букой, – говорил Виктор Сергеевич. – Еще рано, к тому же я еще не намиловался с тобой.

– Я просила у тебя новую коляску для выездов, и что же? – заявила женщина капризным тоном. – Похоже, ты совсем не ценишь мое внимание и мою любовь к тебе, Виктор.

– Не сердись, будет коляска. По приезде в Петербург я непременно куплю ее тебе.

– Не забудь, что это срочно. В августе начинается новый сезон в театре. Я хочу, чтобы все видели, что я приезжаю в новой карете.

– И к чему тебе это хвастовство, Аннет?

– Я хочу, чтобы эта выскочка Колосова видела, какой у меня щедрый покровитель. Да и этот надменный Кокошкин пусть тоже знает. Ты, кстати, обещал поговорить с ним о моей главной роли.

– Непременно поговорю, душечка, – заворковал князь Кудашев. – Однако сейчас мы на отдыхе, не будем думать о делах.

– Конечно, ты притащил меня в эту глухомань, где я даже выйти на улицу не могу, чтобы все не решили, что я приехала сюда за тобой.

– Все верно, Анечка, не надо тебе часто гулять. Не ровен час узнают тебя. Зато мы вместе, я от службы пока свободен, могу бывать у тебя постоянно. Разве это не радостно?

– Возможно, для тебя и радостно, а мне что здесь делать, скучать?

– Это временно, пара месяцев, потом обратно в Петербург отправимся, к тому же коляску тебе новую куплю, и словечко перед Кокошним за тебя замолвлю. Может, ты еще что хочешь?

– Да, новые платья. И не менее дюжины. Я вся пообносилась.

– Будут и платья, душечка, а теперь иди сюда, приласкай меня.

Послышалось громкие вздохи, шуршание и какая-то возня.

Ирина, задрожав от неприятного озноба всем телом, невольно сильнее приникла к двери. Вдруг створка начала открываться, оттого что дверь была не заперта, и через миг Ирина увидела в проеме двери всю неприглядную картину того, что происходило в эти мгновения в комнате. Ее муж миловался на постели с рыжеволосой красавицей, страстно целуясь и перекатываясь по подушкам. Любовники смеялись, целовались и чересчур рьяно ласкали друг друга.

Быстро отпрянув от приоткрытой двери, Ирина прижала пальцы к губам, чтобы удержаться от крика, на миг замерев в жутком потрясении. Спустя минуту она опомнилась и, подхватив юбки, побежала вниз по ступеням. Вскоре она оказалась во дворе, а затем и на пустынной улице. Придерживая шляпку, она почти бежала по пыльной дороге в сторону ресторации, желая навсегда стереть из памяти то, что сейчас увидела в этом уютном домике.

Глава VIII. Несчастливая

Натягивая на руки тонкие кружевные перчатки, Ольга прошествовала по широкому коридору ресторации, поднимаясь на второй этаж по главной лестнице. Навстречу ей попался знакомый господин, который снял шляпу в знак приветствия и с которым девушка быстро поздоровалась.

Оленька спешила. Сегодня она наметила посетить одно местечко в Кисловодске вместе с сестрой, ведь отец отказался с нею ехать. На ней было новое прелестное платье в модную клетку и кокетливая шляпка, и девушка мечтала показаться в этом наряде на людях.

Подойдя к нужным комнатам, которые занимали князя Кудашевы со своей прислугой, она вошла в просторную гостиную, претворяющую две спальни и кабинет. Камердинер Виктора Сергеевича в этот минуту чистил сапоги князя и, немедленно встав, поклонился барышне. Ольга проигнорировала его приветствие, лишь холодно взглянув на слугу, и прошествовала далее в господскую спальню, надеясь на то, что Ирочка уже готова к променаду по городку, как они и договаривались вчера.

Открыв дверь, Ольга стремительно вошла, оглядывая просторную комнату с задвинутыми на окнах портьерами. Ирина лежала на широкой неубранной кровати в ночной рубашке и расстегнутом пеньюаре. Ее длинные светлые волосы, разбросанные по подушке, тускло переливались в солнечном свете, едва проникающем в спальню.

– А... Оленька, это ты, – протянула бесцветным тихим голосом молодая Кудашева, чуть поворачивая голову в сторону сестры.

– Ирочка, уже полдень, а ты в кровати! Где твоя бездельница-горничная? – воскликнула Оля, кинув быстрый взор на неубранные волосы Ирины. – Погода чудесная, идем гулять. Я ведь говорила тебе вчера про одно местечко в городе...

Подойдя к окну, Ольга быстро раздернула портьеру, впуская в мрачную комнату яркие дневные лучи.

– Не надобно этого, Оленька, – каким-то обречённым голосом вымолвила Ирина и, прикрыв глаза рукою, простонала. – Все это уже неважно...

Нахмурившись, Ольга обернулась к сестре, не понимая ее хандры. В следующую секунду Ирина несчастно застонала, сильно согнувшись и притягивая ноги к животу, словно претерпевала сильную боль.

– Неважно? Что с тобой? – вмиг встрепенулась Оля и, быстро кинув свой кружевной зонтик и небольшой ридикюль на ближайшее кресло, подошла к кровати. Она склонилась к сестре, окидывая ее взглядом. Она заметила, что ее ночная рубашка промокла от пота, а лицо имеет нездоровый цвет. – Ты очень бледна, Ирочка. Ты заболела?

Взор Ольги нечаянно упал на прикроватную тумбочку, и она увидела множество лекарственных порошков, каких-то пилюль и пустых оберток. Страшная догадка осенила Олю, и она метнула нервный взор на лицо сестры. Она отметила чрезмерную бледность, темные круги под глазами, пересохшие губы. Руки Ирины тряслись, как будто у нее была лихорадка, и она хрипло дышала.

– Что это за лекарства? Отчего их так много? – выпалила Ольга, перебирая на столике не менее дюжины пустых оберток от порошков. – Ты вызывала доктора?

– Оставь, Оленька, все кончено, – простонала едва слышно Ирина, даже не открывая глаз.

– Что кончено? – вспылила Оля, склоняясь к сестре. Она приподняла ее за плечи и начала трясти княгиню, всматриваясь в ее мертвенно-бледное родное лицо. – Ирина! Ты слышишь меня?

Та открыла глаза, и в следующий миг ее лицо исказилось от судороги, и она чуть согнулась, а Ольга разглядела на ее пересохших губах белый порошок.

– Слышу, милая, – выдохнула несчастная через силу, вперив в девушку ненормальный болезненный взгляд.

– Что случилось? Где Виктор, черт его побери?! Почему ты одна?

– Не знаю, – ответила Ирина еле слышно. – Наверное, ушел к... – Ирина замялась, как-то обреченно смотря в серебристые глаза сестры и не решаясь далее продолжать, а про себя добавила: «Этой своей девице, этой актерке...» – она сглотнула горький ком в горле и прошептала: – Князь ушел еще утром... мне уже все равно...

– Где?

Разум Ольги тут же захватили неприятные думы. Позавчерашний разговор Ирины с Александром Измайловым на улице, во время которого поручик явно намеревался в очередной раз добиться расположения ее сестры, тут же связался с недомоганием Ирины и этими пустыми обертками из-под лекарств.

Мгновенно сложив все в голове, Ольга похолодела.

– Ты пила эти порошки, Ирина?! Что ты наделала? – вскричала она, понимая, что сестра сотворила с собой нечто ужасное, видимо, наглотавшись этих порошков.

– Пила... более незачем жить...

– Не смей так говорить! Ты сошла с ума! – Ольга торопливо бросилась к столику и сильно позвонила в колокольчик.

Но горничная не появилась даже спустя минуту.

Понимая, что надо немедленно послать за доктором, Ольга стремительно подбежала к двери и выглянула в гостиную, но, как назло, там никого не было, камердинер князя тоже куда-то подевался. Оставить сестру одну в таком состоянии она не могла.

Более не медля ни секунды, Ольга вернулась в спальню и стянула с рук кружевные перчатки, с головы соломенную шляпку. Небрежно все кинув на кресло, она подбежала к кувшину с водой. Вытащила пустой тазик из-под кувшина и вновь подошла к сестре. Присев к ней на кровать, Оля приподняла дрожащую Ирину за плечи. Она попыталась раскрыть губы несчастной, с усилием засовывая ей пальцы в рот и далее в горло, намереваясь вызвать рвоту. Но Ирина, разгадав намерения девушки, начала отталкивать ее слабыми руками.

– Ирочка, открой рот! Я помогу тебе! Что ж ты наделала?!

Слабое сопротивление Ирины не остановило Олю, и ей удалось сделать то, что она вознамерилась. Потом она осторожно придерживала сестру, которую рвало, подставляя тазик под ее лицо.

– Оставь меня, – сопротивлялась Ирина, отталкивая руки Оленьки. – Ты не понимаешь... мне незачем более жить...

Вновь вспомнив ту мерзкую сцену, когда Виктор целовал рыжеволосую красавицу, Ирина простонала от удушающей душевной боли. Как она сейчас жалела, что тогда оттолкнула единственного любящего ее человека и оттолкнула его ради этого холодного Виктора, который никогда не ценил ее преданности и верности. Выйдя замуж только по велению отца, Ирина надеялась исполнить свой долг и угодить всем, но сейчас обреченно понимала, что Кудашев был неверен ей всегда. Слуги сплетничали о его ночных похождениях в комнатки горничных, ее подруги намекали на любвеобильность князя, дамы постоянно осаждали ее мужа своим повышенным вниманием на балах. Но Ирина никогда не верила всему этому и доверяла мужу.

Но теперь, сама убедившись в его неверности, поняла, что была полной дурой. Наивной и чистой и мерила людей по себе. И Кудашев этим умело пользовался. Но самым трагичным во всем этом казалось то, что она сама разрушила свое будущее с Александром, которого любила всем сердцем. Ведь тогда, два года назад, батюшка внушил ей, что поручик Измайлов беден и не заслуживает ее, к тому же намекал на его распущенность. Но как раз Измайлов оказался более постоянен в своих чувствах к ней, чем ее блудник-муженек, похоже, никогда и не любивший ее.

И теперь изменить ничего было нельзя. Развод считался позором, и Ирина не могла решиться на этот шаг. А терпеть всю грязь отношений с неверным супругом она тоже более не могла. Именно поэтому, после двухдневных переживаний, раздосадованная тем, что вчера очень грубо прогнала Александра, в очередной раз наговорив ему неприятных слов, ибо видеть его было невыносимо для ее страдающего сердца, Ирина решила окончить свое тягостное существование. Потому сегодня поутру, едва Кудашев ушел к своей пассии, Ирина совершила это «черное дело», зная, что счастья с любимым Сашенькой ей все равно не изведать.

– Не смей так говорить! Еще из-за мужика травить себя вздумала! Что за вздор?! – вспыхнула Ольга, не сомневаясь, что сестра отравила себя из-за преследований Измайлова. Видя, что рвота у Ирины прекратилась, девушка поставила тазик на пол и кинулась к кувшину с водой. Налив полный бокал, она поспешила обратно и, подставляя его к губам Ирины, строго велела: – Пей! Давай, Ирочка!

Ирина недовольно мотала головой, не желая, чтобы ее спасали, и Ольга почти насильно вливая в нее воду, брызгая на лицо и ночную сорочку. В этот момент в спальне княгини появилась горничная.

– Что-то надобно, барыня? – спросила услужливо она и, увидев, как Ирину в очередной раз вырвало уже на ковер и на дорогое платье Ольги, ибо та не успела подставить ей таз, испуганно вскрикнула: – Ой, барыня! Что с вами?

– Ты где шляешься, мерзавка?! – прикрикнула на нее Ольга, оборачиваясь к служанке. – Барыне твоей плохо! Немедля за доктором беги! И мигом! А то выпорю!

Вскрикнув от испуга, горничная тут же исчезла за дверьми.

Вновь придерживая хрупкое тело сестры и склоняясь к ней, Ольга начала гладить ее по спутанным светлым волосам.

– Ему я безразлична, пойми... – просипела Ирина с надрывом.

Помня о некогда большом влечении сестры к Измайлову и о его постоянных преследованиях Ольга знала точно – этот поручик не заслуживает страданий ее любимой Ирочки. Видимо, его домогательства сломили ее. Оля чувствовала, что сестра все еще любит этого статного красавца, ибо он постоянно поощрял ее влечение, не давая позабыть о себе. Ирина же была слишком правильной и никогда не изменила бы мужу, именно поэтому сейчас она так страдала, и наверняка оттого решила осуществить это безумство.

– Да пусть сгинет этот мерзавец! Сколько можно мучить тебя?! Он недостоин тебя, Ирочка! – гнула свою правду возмущенная Ольга.

– Я думала, он любит меня, а у него другая... – прошептала Ирина, думая о коварстве изменника мужа.

«Все понятно. Похоже, Ирина видела Измайлова с другой женщиной, – сложила последнюю часть головоломки Оля, думая про себя, – что неудивительно. Он не женат».

– Не надо об этом, милая, не думай, – утешала ее Оля, вливая почти насильно воду в рот несчастной. – Ну давая еще пей, пей! – и продолжала цедить об Алексее: – Не может он любить, у него на лице написано, что он ходок еще тот! Один масляный взгляд чего стоит...

Конечно, Оленька преувеличивала, ибо Александр смотрел горящим взором только на ее сестру, а то, что он был бабником, она придумала сейчас на ходу. Но она пыталась очернить Измайлова в глазах сестры, чтобы та навсегда разлюбила его и перестала страдать.

– Ты права, сестрица, он страшный человек, – согласилась Ирина, вновь вспомнив хитрую неприятную улыбку Кудашева, говорящую о многом.

Сестры говорили о разных мужчинах и думали, что другая понимает, о ком речь.

– Не могу уже, – взмолилась Ирина, отталкивая руку сестры с бокалом с водой.

Вновь согнувшись от сильного спазма в животе, она застонала, затем ее опять вырвало.

Местный доктор пожаловал в комнаты князей спустя полчаса, к этому времени Ирину вырвало еще раз, и она тихо лежала на кровати, чуть прикрыв глаза, и дремала, хрипло дыша.

Оленька, сидящая рядом, гладила ее ладонь, успокаивая больную. Осмотрев Ирину, доктор немедленно дал ей выпить угольный порошок, который впитывал все яды, и похвалил Ольгу за верные действия. Однако заявил, что княгиня очень плоха и, скорее всего, не переживет эту ночь.

– Так сделайте что-нибудь, милостивый государь! – возмутилась на это Ольга. – Я вам плачу не за то, чтобы вы разводили руками! Вы доктор или нет?!

– Я не Господь Бог, сударыня, – обиделся тот. – Более сделать ничего нельзя. Если организм вашей сестры сильный, он справится, но по ее тонкой конституции я вижу, что она очень слаба. Лекарства уже впитались в кровь, потому все в руках Божьих.

Перед уходом доктор велел давать больной только пить и следить за ней. А при ухудшении состояния немедленно посылать за ним. Ольга требовала остаться, но доктор заявил, что у него еще два больных на сегодня.

Когда он ушел, Оленька осталась вновь с сестрой, велев горничной принести ей поесть что-нибудь из ресторана. Чуть позже пришел их отец, проведать Ирину, и весь в слезах еще больше расстроил Олю, которая и так была вся на нервах. Николай Николаевич так несчастно смотрел на старшую дочь и стонал, что не переживет, если с Ириной что-то случится, что девушке пришлось почти выгнать его из спальни, заявив отцу, что присмотрит за сестрой сама. Их отец был жутким эгоистом, и сейчас его жалость к себе о том, что он будет страдать от потери любимой дочери, просто доконала Ольгу.

Около семи вечера Ирина неожиданно пришла в себя. Оглядевшись мутным непонимающим взглядом вокруг, она увидела дремлющую у ее изголовья Олю, которая чуть прислонилась к стойке кровати. Она так и была в своем клетчатом испачканном платье и, видимо, никуда не уходила.

Вечерние лучи заходящего солнца наполняли комнату, и Ирина, чувствуя сухое горло, судорожно сглотнула. Дурман окутывал ее сознание, а перед глазами все плыло. Ноющие боли в животе так и крутили ее нутро, и она ощущала, что не может без боли даже вздохнуть полной грудью.

– Оленька... – прошептала едва слышно Ирина из последних сил.

Та тут же очнулась и немедленно наклонилась над ней.

– Да, сестрица, я здесь.

– Пить...

Встреппенувшись, Ольга проворно налила из стоявшего рядом графина воду и, приподняв голову сестры, напоила ее.

– Я умираю, – пролепетала глухо Ирина, откидываясь на подушку и чувствуя, что не в силах даже пошевелить рукой. – Я чувствую...

– Не надо, не говори так, – попросила Оля. – На попей еще, доктор сказал, надо больше пить.

Оленька вновь приставила к губам большой бокал, но Ирина сделала лишь глоток и отвернула лицо, потому что вода более не лезла ей в горло.

Откинувшись обратно на подушку, Ирина вперила несчастный горящий взор в сестру.

– Прошу, приведи его... – попросила она тихо, чуть поморгав.

Перед глазами Ирины все было словно в тумане, и она едва различала звуки.

– Кого?

– Александра... – вымолвила она.

– Зачем? – вмиг возмутилась Оля, не ожидая подобной просьбы. – Ирочка, не надо его. Я послала уже за Виктором, мальчишка обещался разыскать его. Твой муж скоро придет.

– Прошу... Оленька, – прошептала Ирина через силу. – Мне трудно говорить... Приведи его...

– Ирина, даже не проси!

– Хочу последний раз увидеть его... – не унималась Ирина.

– Он мучает тебя! Из-за него ты сейчас в таком положении! – возмутилась Оля. – Нет, этот мерзавец не заслуживает того, чтобы ты думала о нем!

Она не могла спокойно даже думать об этом.

Ирина, почти не слыша слов сестры, так как в ее ушах шумело и голова кружилась, не спускала пронзительного взгляда с Ольги.

– Молю, приведи его... – вновь простонала Ирина.

Она продолжала молить, а Ольга, поджав недовольно губки, замолчала, не в силах это выносить. Не могла она заставить себя пойти за этим человеком, но и мольбы умирающей сестры проигнорировать тоже не могла. Она понимала, что, если не исполнит последнюю просьбу Ирины, никогда не простит себе этого.

Спустя полчаса, оставив сестру под присмотром горничной и велев той не спускать глаз с княгини, Оленька быстро направилась в свои комнаты, которые они снимали с отцом, в другое крыло ресторации на первом этаже. Ей надо было как можно скорее переодеть испачканное платье и идти разыскивать этого гадкого Измайлова. Как Ольге ни претило происходящее, отказать сестре в последней просьбе она не могла. Лишь на одно надеялась девушка – что наконец вернется Кудашев, который до сих пор так и не появился, прогонит поручика прочь и не позволит ему увидеться с сестрой.

Глава IX. Измайловы

Почти стемнело. В небольшом домике на окраине Кисловодска двое офицеров резались в вист и пили вино. Третий спал, прикорнув на жестком облезлом диванчике сбоку, последний что-то писал на листе бумаги, сидя у теплой печи. Дом у местного татарина, с четырьмя спальнями и общей комнатой, молодые люди снимали впятером. Было не так накладно и не так скучно. От нечего делать все дни напролет молодые офицеры резались в карты, пили вино и устраивали всякие шалости, типа неожиданного поцелуя местной трактирщицы или скачек на скорость под окнами ресторации.

Андрей выложил очередную карту-пик перед Черкасовым и криво оскалился:

– Козырная дама, взятка моя!

Отмечая, что опять проиграл и Загорский вновь собрал больше взятку, Роман небрежно отодвинул от себя несколько золотых монет.

– Забирай! – ухмыльнулся мрачно Роман.

Допив свою чарку, Андрей небрежно сунул деньги в свой мундир и предложил:

– Еще партию в вист?

– Уволь! – отмахнулся от него Роман. – Сегодня не везет, не мой день.

– Как знаешь, – хмыкнул Андрей, вставая, и направился за очередной бутылкой вина в погреб. Пройдя мимо Черкасова, он похлопал его по плечу сказал: – Ниче, в любви повезет.

– Шутишь? – огрызнулся Роман. – В этом городке даже волочиться не за кем. Одни замужние дамы, девиц по пальцам перечесть. И то за всеми бдят кумушки да маменьки.

– А че тебе замужние не по нарву? – ухмыльнулся Загорский. – Они очень даже ничего, особенно у которых мужья стары. Так сами и льнут на балах.

Неожиданно послышался громкий звук хлопнувшей калитки. Распахнутые от духоты окна пропускали все звуки вечернего городка. Андрей немедля выглянул в окно и бросил через плечо другу:

– Погоди, Роман, кто-то пришел.

Пошатываясь на ногах, Загорский направился наружу, зная, что хозяина нет дома, и придется самому узнать, что надобно той женщине, которая вошла во двор. Он вернулся обратно спустя четверть часа, не забыв наведаться в погреб и прямо из горла отпивая вино.

Остановившись на пороге общей комнаты, Андрей провел пьяным взглядом по трём гвардейцам и нахмурился, пытаясь вспомнить, какого именно Измайлова желала увидеть эта несносная кокетка. Однако поход в погреб напрочь выбил из памяти точное имя гвардейца. Мотнув головой, Загорский решил позвать того, который еще был в состоянии стоять на ногах.

Оглядев пьяного вдрызг Александра, развалившегося на диванчике и уже второй час храпящего на весь дом, и далее переместив взор на Кирилла, единственного трезвого в их компании в этот поздний час, Андрей решил остановить свой выбор на последнем. Кирилл в эту минуту что-то резво строчил пером по бумаге, то и дело поднимая глаза в потолок и что-то бурча, словно подбирая рифму.

– Эй, стихоплет! – обратился Андрей к нему. На его окрик Кирилл даже не поднял глаз, сосредоточенно продолжая свое действие и шурша пером. – Измайлов! Тебя там эта... как ее, – мысль опять ускользнула из пьяной головы Загорского, и он добавил: – Э... барышня дожидается на улице. Выйди!

– Барышня? – удивился Кирилл, переводя взор на Андрея.

Нахмурившись, Измайлов быстро отложил перо и приблизился к распахнутому окну. И правда, у вишни стояла дама в светлом платье и кружевной шали, изящная и темноволосая. Нечто знакомое было в ее облике и невероятно притягательное.

– Ага, и самая прехорошенькая во всем городке, это точно. И если ты не поторопишься, я сам составлю ей компанию для разговора.

Вмиг обернувшись на пьяного друга, Измайлов пригвоздил его предостерегающим взором.

– Ты, Загорский, полегче. Дама пришла ко мне. Я и выйду к ней, а ты не суйся, – буркнул Кирилл и, набросив на плечи мундир и на ходу застегивая его, устремился на улицу.

Она стояла к нему спиной, вполоборота, но уже с крыльца Кирилл отметил знакомые темно-каштановые локоны и грациозный стан с тончайшей талией в светло-зеленом платье. Кружевная шаль покрывала ее плечи, а изящная ножка в туфельке виднелась из-под подола. Девушка стремительно обернулась, видимо, заслышав его тяжелые шаги, и Измайлов тут же глухо выдохнул. Нет он не ошибся, это была она собственной персоной, Оленька Трубецкая, та самая, которая два дня назад сыграла с ним злую шутку с поцелуем, и которая последние дни занимала все его мысли.

Сейчас, в этом полумраке замирающего дня, она показалась ему еще краше, чем утром, когда он мельком видел ее в ресторации на завтраке. И его сердце вмиг сильно забилося, ведь утром в ресторане она даже не взглянула в его сторону, пройдя мимо со своим отцом. А теперь каким-то чудом оказалась здесь и искала именно его. В это было невозможно поверить, но Кирилл отчаянно хотел, чтобы все оказалось правдой, потому как даже теперь он уже два часа сочинял любовную поэму в ее честь, хотя совершенно не умел слагать стихи.

Опешив в конец от появления этой прелестницы здесь, Измайлов на миг замер в трех шагах от нее и, лишь когда взгляд ее светло-серых чарующих глаз остановился на его лице, невольно выдохнул:

– Вы меня искали, сударыня?

Девушка нахмурилась и окинула его с ног до головы странным взглядом. Он сделал еще один шаг к ней, протягивая руку для поцелуя. Она же невольно попятилась от него, смущенная его порывистым поведением, а еще более горящим взором, который он устремил на нее.

– Нет. Не вас, штабс-капитан, – холодно заявила Ольга, проигнорировав его жест, и руки не подала.

– Как же? – удивился Кирилл, опечаленно опуская руку. – Мне сказали, что вы меня спрашивали.

– Мне нужен поручик Измайлов. Не вы.

– Это мой брат. Вы его ищете? – спросил он, и тут же его сердце пропустило сильный болезненный удар из-за того, что эта прелестная девица пришла к брату, а не к нему.

– Именно, – отчеканила Ольга уже недовольно. – Видимо, ваш подвыпивший друг перепутал. Я говорила ему об Александре Григорьевиче, не о вас. Мне надобно немедленно с ним поговорить.

– О чем же? – с ревностью вдруг выпалил Кирилл, чувствуя, что ему не по душе интерес Ольги к брату.

Он прекрасно знал, что Алекс гораздо красивее и эффектнее его внешне. Возможно, только военной выправкой и ростом Кирилл не уступал ему.

– Вы дерзки, сударь, – возмутилась Ольга, тут же вновь сделав вывод, что молодой человек совершенно лишен светского кокетства и умения скрывать свои чувства. И словно ребенок расспрашивал ее о том, что, похоже, задело его. – Я не собираюсь обсуждать свои дела с вами. Позовите брата, или я сама войду в дом.

Понимая, что она не сделала этого раньше, боялась скомпрометировать себя, Кирилл как-то зло заявил:

– Он пьян и спит, потому не выйдет к вам.

Видя, что он специально решил навредить ей, оттого что она выставила его в дурном свете два дня назад, Ольга с вызовом заявила:

– Значит, разбудите его! Это вопрос жизни и смерти! Вы можете этого понять, штабс-капитан? Ваша месть сейчас совершенно не к месту!

– Я мщу? – опешил Кирилл, понимая, что она неверно считала его порывы. В эту минуту им владела ревность, а не как не месть. Однако ее слова вызвали у него живой отклик. А если действительно это касалось чьей-то жизни? – Извольте, я позову его, только вряд ли он сможет выйти к вам, он едва стоит на ногах.

– Будите! Скажите мое имя, он выйдет, я не сомневаюсь, – отрезала холодно Ольга.

На удивление обоих, старший Измайлов смог подняться с кровати и выйти на улицу. Увидев Трубецкую, он с удивлением спросил:

– Ольга Николаевна, что вы хотели?

– Мне надобно с вами поговорить, сударь, – заявила она, стараясь не вдыхать винные пары, которые исходили от поручика.

Похоже, он пил не вино, а нечто более крепкое. Он стоял перед ней в одной мятой рубашке и штанах, небрежно заправленных в сапоги. Она чуть отступила от него на шаг, отмечая его красные глаза и заплывшее от сна лицо. «И из-за этого пьяного гвардейца Ирочка так страдает», – думала недовольно Оля, не понимая ничего в этой странной зависимости сестры.

– Слушаю, – произнес он.

– Ирина отравилась, наглоталась порошков. Доктор говорит, что спасти ее может только чудо, – выдохнула Ольга.

По лицу Измайлова прошла тень, и он едва осознал, что девушка говорит о жутких вещах.

– Господи! Зачем она это сделала? – воскликнул он тут же, ничего не понимая.

– Из-за вас, сударь! Вы же никак не можете унять свои порывы! – обвинительно заявила девушка. – Не думаете о том, что другие люди могут пострадать!

– Вам не в чем обвинять меня, Ольга Николаевна, я люблю вашу сестрицу и никогда этого и не скрывал.

– А лучше бы скрыли! И не портили жизнь порядочным людям.

– Довольно! – выпалил он гневно. – Я не намерен выслушивать от вас опять эти нотации. Говорите, что вам угодно, и уходите.

– Она зовет вас! Вы должны немедленно пойти со мной, я очень боюсь за нее.

– Должен?

Побледнев, Измайлов даже протрезвел, ведь слова младшей Трубецкой задели его за живое. Он не в силах был оставаться спокойным после них, но и не мог показать свою ярую заинтересованность в судьбе Ирины. Он понимал, что надо вести себя осторожно, чтобы не навредить ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.